

★ ФЕДОР ★
БЕРЕЗИН

ЛУННЫЙ ВАРИАНТ

Федор Дмитриевич Березин

Лунный вариант

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118534*

*Лунный вариант: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 5-699-16782-X*

Аннотация

Когда первый советский луноход обнаружил на Луне загадочный артефакт, за обладание им вступили в тайное противоборство две мировые космические супердержавы – СССР и США. В то время как на Земле бушевала холодная война, в космосе разворачивались драматические битвы, о которых никто не знал. В них участвовали знаменитые космонавты и астронавты, в том числе и те, кого официально уже не было в живых...

Содержание

Часть I	5
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	28
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	37
Глава 10	40
Глава 11	48
Глава 12	50
Глава 13	53
Глава 14	57
Глава 15	60
Глава 16	64
Часть II	67
Глава 1	71
Глава 2	74
Глава 3	78
Глава 4	80
Глава 5	84

Глава 6	88
Глава 7	91
Глава 8	95
Глава 9	101
Глава 10	104
Глава 11	113
Глава 12	116
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Федор Березин

Лунный вариант

Во время написания этого романа произошла катастрофа шаттла «Колумбия».

Героям космоса всех национальностей, сложившим головы на алтарь его освоения, посвящается эта книга.

Часть I

Автоматы

*В чешуе из лунной пыли
Нас убили и забыли.
Мы когда-то уже были
Целой, целою страной.
Г. Л. Олди*

Это нельзя увидеть с проскальзывающего мимо поезда. Даже с редкой ныне птицы (атавизма канувшей в никуда мощи, воспоминания о веке дешевизны скорости и высоты – самолета) и то не получится. По привычке из-за въевшегося в гены диспетчеров Бермудского треугольника секретности они огибают эти места. Или просто еще тогда, в бездне

провалившегося в неведомость мира, место выбрано было столь удачно, что даже сейчас, в условиях семимиллиардного населения Земли, атмосферные жгуты самолетных треков плетут свою паутину в стороне. А может, есть другие, совсем не скрытые временем, геополитикой и физикой причины? Все допустимо. И потому все-таки – поезд. Несмотря на скольжение по краю, он неминуемо обходит по касательной, ласково и незримо для дрыхнущих на пыльных полках внутри него, входит в эвольвенту соприкосновения с границей потерянного измерения. Он так увлекается, всасываясь волшебством, что даже замирает поблизости от таинства. Всего лишь на две короткие минуты.

Здесь, если вы решительны и целеустремленны до жутости, вы можете попробовать разорвать цепь времен. Только не ошибитесь, прорыв реальности куда не обнаруживает себя ничем. Он маскируется рядовой, неприметной станцией. Однако то, что строй их в здешних ненаселенных местах достаточно редок, дает вам хороший шанс избежать промаха, не шагнуть зазря в ночь промазавшей мимо мишени пуль.

Но все не просто. Прорыв реальности узок, к тому же он охраняется. Тупыми, ни о чем не ведающими слугами нынешнего закатного времени. Вагоновожатый с заспанными глазами-щелями на лунообразном лице преградит вам путь и укажет на несоответствие станции назначения в вашем билете. И даже если вы прорвете толстокожий расовый за-

слон, вами почти гарантированно заинтересуются мундирные, дублеклонированные андроиды с подвижными, но каменными лицами. В блеклом свете фонарей они сопровождают вас в специально заготовленную для таких сталкеров комнатушку, произведут досмотр на предмет наличия чего-нибудь незаконного, навязчиво расспросят о пути следования, с наклеенно-понятливой улыбочкой попросят расписаться в том, что вы не имеете претензий. Но как только, с забившимся снова сердцем, вы решите, что обвели орков и свободны как ветер, они подопрут вас с боков. И вы не успеете моргнуть глазом, как с напускной благодарностью, преодолев безлюдность преддверия кассового окошка, уже будете раскошеливаться за какой-то билет в ненужном вам, но уводящем прочь направлении. И андроиды, снова раздвинув губы в улыбочке превосходства, продублируют за кассиром ваше купейное местечко, станцию назначения и время прибытия поезда и даже подмигнут приятельски, ибо своим присутствием оказали вам явную помощь – билет гарантированно из бронированного фонда. Затем, пожелав счастливого пути, они растворятся, оставив вас в полумраке зала ожидания. Но не надейтесь, вы все еще не свободны, кто-то из них будет осторожненько наблюдать за вашей дремой в окружении пустующих кресел, часто демонстрируя свою неусыпность мелькающим в поле зрения шевроном. Потом вы уедете. Проводник будет ласков, а пронзившая времена полость захлопнется за вашей спиной. Вряд ли сума-

тоха жизни позволит вам когда-нибудь попробовать еще раз.

Но...

Глава 1

Вне конкуренции

Эта машина не отличалась внешней привлекательностью «Мерседеса». С такой же форой «мерс» мог бы побить ее в скорости, грузоподъемности, дальности хода и еще много в чем. Однако данный механизм и не создавался как его альтернатива, он вообще не планировался в качестве конкурента какой-либо из существующих моделей автомобилей. Несмотря на то, что он, по идее, опирался на предшествующий опыт человечества в данной области, он оказался совершенно новым классом техники. А учитывая, что он был и единственным в этом классе, конкурентов у него не существовало. Разумеется, на скоростных асфальтовых трассах планеты Земли он бы продул «Мерседесу» вчистую. Однако в тех условиях, в коих он должен эксплуатироваться, ни «мерс», ни иже с ним не проехали бы и метра. И дело не в неровности местности, отсутствии бетона и прочем. Даже без автострады нормальная машина все-таки способна кататься по лужайкам или въехать на поросший травой-муравой холмик.

Но начнем с того, что двигателям всех этих «мерсов» требуется не только то, что заправлено в бак. Кое-что они сосут и снаружи. Кстати, то, что они сосут, необходимо еще одному нужному и по ясной причине всегда забываемому факто-

ру – самому водителю. И вроде бы этот фактор не тащит с собой дополнительную емкость для каких-то своекорыстных нужд, однако он все-таки потребляет нечто. В условиях планеты Земля такого добра просто завались, его хватает и для двигателя, и для шофера: куда ни сунься, оно везде в избытке. Добро это – обычный воздух. Как все догадываются, в его отсутствие любой водитель, даже самого крутейшего «Мерседеса» и прочих «Ауди», не успеет провернуть ключ зажигания. Проблема с приоткрытой воздушной заслонкой двигателя возникнет параллельно, но не успеет обратить на себя внимания. Также не стоит говорить о том, что само внутреннее давление вывернет водителя изнутри, подобно лопающейся от неправильного хранения консервной банке. Между прочим, то же самое произойдет и с накачанными колесами, так что, по всем признакам, ехать «мерсу» будет уже не на чем. Точно так же, по не зависящим от наличия воздуха причинам, даже самый сверхсильный движок не сумеет завестись: окружающая температура – минус сто пятьдесят градусов по Цельсию. Стоит ли говорить о том, что замерзнут шланги, кристаллизуется высокооктановый бензин и прочее? Да и вообще, о чем речь? Существуют ли методы доставки в окружающую эту неказистую машину действительность, не то что «Мерседеса», а даже какого-нибудь «Запорожца»? На сегодняшний день – а тем более в те времена, за кои мы зацепились, – никаких!

Так что, продолжая пояснения, наша чудо-машина, весом

всего лишь сто двадцать пять килограммов (учтите, в местных специфических условиях!), имея скорость всего десять километров за три месяца хода (!!!), превосходит любого рекордсмена «Формулы-1» или комфортности абсолютно. Вы спросите, как же дышит ее водитель? Отвечу: нормально дышит, хотя он не какой-нибудь киборг и даже не особый здоровяк. Просто он находится почти за четыреста тысяч километров от этой машины. Управление, понятное дело, осуществляется по радио. А почему так медленно едем? Да потому что каждый проворот колесной оси просчитывается и там, на Земле-мame, и здесь, в нутре самой машины. Разумеется, там, в сверхчистом сборочном цехе на Земле, весь восьмиколесный механизм весил больше. Нет, он не везет с собой какого-то топлива. Просто наша планета массивней и сила тяжести на ней агрессивнее. Почти в шесть раз, между прочим.

Теперь понятно, о чем речь? Эта супермашина находится на естественном спутнике планеты Земля, на окраине Моря Ясности, в центральной части несказанно древнего кратера Лемонье. «Мерседесов» тут отродясь не водилось. По кратеру, очень не торопясь, перемещается подвижная лаборатория «Луноход-1» (Советский Союз!). А так как луноход снабжен кучей разнообразных приборов, он больше покоится, чем ездит. У него имеются спектрографы, магнитные искатели, сверхточные датчики радиации и щуп для внедрения в грунт. Этот самый щуп помещен спереди, потому, когда

он осуществляет это самое внедрение, — все видно (совсем не так у мужчин, которые вынуждены внедряться в полную неизвестность). Еще у него есть примитивный, но мощный манипулятор и, разумеется, камеры для обзора передней полусферы. Однако более всего у лунохода различных приборчиков для связи с далекой социалистической родиной и всяческих хитрых штучек для точной локации.

А внутри у него распадаются атомные ядра. Но это не пожар реактора. Просто маленькая топка — считанные килограммы активных изотопов. Он даже не использует эту мощь для подпитки двигателей. Это запас, последний бастион перед грядущей лунной ночью. Обычно луноход готовится к ней заранее. В этом он похож на медведя, выбирающего берлогу для зимней спячки. Долго «топчется» на одном месте. Разыскивает пространство поровней (это удастся сделать, измеряя давление на каждую независимую ось). Разворачивается передней частью на восток. Если удастся пережить вечность темноты и холода, то его камера распахнет глаз прямо в центр застывшего в нерешительности Солнца: оно так медленно и несмело после двухнедельной пропажи. Затем, повинаясь команде, посланной с далекой-далекой Земли, луноход соберет в комок остатки невыветренной стоградусным холодом энергии и распахнет кастрюлю солнечной батареи. Вообще-то она неправильно устроена. Вся варка — преобразование света в электричество — происходит в крышке, а в самой «кастрюле» просто прячется от мира приборный от-

сек. Кстати, антенна, ловящая искренний привет планеты, на которой он родился, развернута загодя в нужном ракурсе с особой тщательностью. Ибо если не так... Здесь нет доброго старика Хоттабыча, помудревшего от общения с цивилизацией и способного через пропасть вакуума отъюстировать диаграмму направленности на гигантское локаторное поле в Крыму.

Так вот, главное назначение изотопов в «брюхе» – вырабатывать тепло, не дать бешеной звездной ночи вокруг убить аппаратуру холодом. А в обычное, активное дневное время ему некогда спать. Хотя тоже случается подремывать в связи с тем, что Земля – невероятно быстро вращающаяся планета, и, значит, периодически локаторы, через которые ведется управление, закатываются за горизонт. Может быть, в грядущую эру коммунизма будет не так – как только ослепнет одна станция слежения, сигнал подхватит другая, передавая непрерывную эстафету от континента к континенту. Может быть. Но пока он ждет. Ждет и подремывает. Тем более что лунный день, это вовсе не бесполезно-опасная ночь – здесь, в лунном мире, нет облаков, а значит, можно всегда и всюду подзаряжать аккумуляторы. «Товарищи! Дармовая солнечная энергия в любое время дня и...» Все-таки только дня. Ночью – лишь выковырянные загодя в Монголии и доставленные с Байконура атомные ядра.

Глава 2

Экипаж

Думаете, они подбирались из танкистов? Гусеничных героев, сдающих экзамены по прессованию грязи в шлак и по нырянию в озера под шноркелем? Эдаких отличников боевых стрельб, шарахающих бронебойным мишени за километр и меняющих стершиеся стальные треки своими силами до прибытия ремонтников? Ничуть не бывало. Тогда, может, они из трактористов, бивших рекорды по количеству прицепленных позади сенокосилок, с ночи до утра под палящим солнцем прессовавших пятилетку в год? Снова промах. Может, их подбирали из предтеч героев-дальнобойщиков, наматывающих границы и тысячемильные метки на колеса, или из автогонщиков, героев трассы «Париж – Дакар»? Нет. Не подходили сюда и любители велотрестов, сливающие спицы в сияющие под ногами солнца-близнецы. Хуже того, всем, кто должен заниматься ЭТИМ, строго-настрого запретили иметь права и покупать личные средства передвижения приблизительно до выхода на пенсию. Пенсия у них, правда, намечалась ранняя, однако поскольку все они были еще порядком молоды, то пока что приговаривались к трамваям-троллейбусам, а иногда, в качестве компенсации, к служебным «уазикам». Ну что ж, сюда намеренно не подыскивали любителей внешней жизненной мишуры. Дело, в кото-

рое их втянули, должно было стать их ведущей целью и единственной судьбой.

Имелось две команды, по пять человек в каждой. И, как положено в армии, главным в каждой пятерке был командир. И не какой-то зеленый летеха-выпускник, а целый майор. Звание, почти подходящее командиру ракетной батареи, у которого забот, людей и техники невпроворот. Но зато у каждого нашего майора в подчинении имелись исключительно офицеры. Попадались и летехи, но как минимум краснодипломники или вообще – медалисты. По всем признакам дело, которым они обязались заниматься, являлось крайне важным и даже наверняка секретным. Хотя в этом экипаже, все-таки так напоминающем танковый, не значилось ни одного заряжающего, по случаю отсутствия снарядов. Думаете, у них вместо обычной была какая-нибудь продвинутая лазеро-плазменная пушка? Не волнуйтесь, времена таких монстров еще не наступили, а если повезет, то не наступят вообще. Так вот, пушки у них не имелось вовсе. И хотя еще два года назад американские астронавты доказали, что никаких селенитов на данном космическом теле не водится, лаборатория не имеет ни одного пулемета и прочего снаряжения для самообороны. Селена пока еще предельно демилитаризована и миролюбива. Но врагов у их подвижного механизма было видимо-невидимо. И это были хитрые, коварные враги, не прощающие ничего. Именно поэтому и требовались в экипаже везунчики-медалисты.

И поскольку машина их умела двигаться, что являлось ее главным, почетным свойством, то, понятное дело, вторым после майора-командира лицом считался водитель. Затем шел штурман, ибо одного водителя для таковой машины совершенно недостаточно. А еще у них наличествовал собственный бортовой инженер. Он так и назывался – «бортовой инженер», хотя совсем не находился на борту, под толстой, морозостойкой алюминиевой броней. И ничего здесь не было странного, ибо вообще никто из них не находился в «нутре» машины. Разве что мысленно, для уверенного погружения в процесс. И даже сверху, где-то в открытых откидных сиденьях, они тоже не восседали. А потому еще одним важнейшим человеком в команде, эдаким аналогом танко-пушечного наводчика, был оператор антенны. В реальности он действительно являлся наведенцем – у их антенны была намеренно зауженная диаграмма направленности. И это совсем не зря.

Короче, их машина была эдакой воплощенной мечтой фантастики тридцатых годов, когда по романам путешествовали всяческие радиоуправляемые штучки-дрючки, типа самостоятельно сражающихся самолетов и межконтинентальных поездов. Прошло всего сорок лет. Причем не безоблачно-голубых, а солидно затертых черной тушью мировой войны, да еще жестко прихваченных льдом «холодной». Теперь реальность, в которой жили люди, грубо обскакала те давние мозговые эманации фантастов. Угол захвата бортовой

антенны лунохода был сжат не просто из спортивного интереса. Ведь требовалось группировать в подобие луча всю подвластную мощность. Ибо расстояние, преодолеваемое их управляющими сигналами, составляло ни много ни мало, а триста восемьдесят тысяч километров.

Глава 3

Сложности

Но нас в данном повествовании не слишком интересует вся предшествующая одиссея путешествия «Лунохода-1» по кратеру. Более любопытно то, что некоторое время назад подвижная лаборатория добралась до его центра. Именно здесь разнообразное оснащение машины, в специфических условиях своей жизни кладущей на лопатки любое количество «Мерседесов», внезапно и одновременно начало шалить. Естественно, ученые-водители вынуждены были отложить утвержденный академическим командованием график в сторону и приступить к внеплановому и подробному тестированию всех узлов. Само собой, они не сели в автобус и не помчались на место происшествия: все производилось на сверхдальней дистанции, с применением автоматики, а потому долго, с пошаговой перепроверкой каждой команды.

Только после полной убежденности, что причины сбоя чисто внешние, начальник отдела решился доложить наверх о странном поведении оборудования.

– Мы провели полное тестирование всей аналитической аппаратуры, – пояснял руководитель инженерной группы Роговский. – Разумеется, той, которую можно проверить на расстоянии. Вывод однозначен, техника в норме. По крайней мере в пределах нормы. Долгое нахождение под «бомбарди-

ровкой» неизвестного источника, понятно, оказало определенное воздействие. Причем не только на проверяемые, но и на тестирующие системы. Для полной убежденности мы сделали маневр, развернули нашего «Ходока» в предположительную сторону излучения. Затем переместили его еще на пятьдесят метров.

– Вы хотели сделать триангуляцию, Гарри Николаевич? – уточнил моложавый, но седой начальник программы освоения Луны профессор Бабакин. – Как?

– Понятно, ни датчики излучения, ни «ловец» космических лучей не дают нам такой возможности, Георгий Николаевич. Но ведь есть магнитометры. Даже сразу, на месте, имелось рассогласование: конечно, в пределах допустимой ошибки, но все же.

– Так, хорошо. И...

– Я понимаю, это все предположительно и это не моя область – изучение Луны. Тем не менее есть еще один метод определения локального источника. Поскольку эта... Аномалия, подойдет? Поскольку эта Аномалия воздействует на всю электронную аппаратуру – не только на датчики, то можно попытаться определить ее местоположение... Место залегания по мере, так сказать, ухудшения работы «Ходока».

– Допустим, вы правы, и эта штука... э-э – Аномалия – воздействует на аппаратуру. И, к примеру, она возьмет и выйдет из строя, а? Мы ведь рассчитывали на работу нашего «Ходока» по крайней мере еще в течение полутора лет?

– Я все понимаю, Георгий Николаевич. Неужели, если бы не риск, я просил вашего содействия?

– Хорошо, в ближайшее время обдумаем ситуацию.

– Извините, что настаиваю, но из-за излучения наш «Ходок» действительно может выйти из строя еще до начала исследований. Точнее, не выйти из строя – это я преувеличил, но снизить свои исследовательские способности.

– Понимаю, но тем не менее хотя бы до завтра придется подождать.

– А что завтра, Георгий Николаевич? Если, конечно, ответ лежит в пределах моих допусков.

– Завтра я встречаюсь с академиком Келдышем.

Глава 4

Полигон

Возможно, этот мир был лучшим полигоном для экзистенциалистов. Кто по-настоящему мог, прощупывая, проверить, существует ли он на самом деле? Математики? Извините, но их собственная наука зиждется на аксиомах, обусловливающих друг дружку, и по-серьезному их не подпирает ничто извне. Мир, с которым они имели дело, не обладал запахом, а ухо не могло уловить никаких шумов, исходящих оттуда. И даже глаза – главная опора в соприкосновении с реальностью – не были достаточно надежными для полного признания истины. Да, наверное, происходящее на экране было отражением правды. Но эта правда добиралась к ним с серьезным запаздыванием. Нет, дело не в расстоянии, хотя даже радиолуч, промчавшись туда-сюда, затрачивал около трех секунд. Запаздывание было гораздо большим – примерно на уровне общения с Марсом. Видите ли, описываемое нами время еще не родило (хотя было им беременно и нуждалось в них по уши) персональные компьютеры высокого быстродействия. Впрочем, и низкого тоже. А поэтому на телеэкране, с помощью которого велось управление, настоящего подвижного изображения не получалось никогда. Скорее действие походило на просмотр слайдов. Хотя и это сравнение не отражает сути. Представьте слайд, который по-

строчно выводится на протяжении шести-восьми минут. В ожидании картинки можно выкурить пару сигарет. Вот только они не курили. Те, кого отбирают как космонавтов, не имеют вредных привычек. Поверьте, когда выборка производится из тысяч, это вполне возможно.

А иногда слайдовая картинка как бы совсем зависала. Какие-то трансгалактические шумы, звездные сполохи далеких шаровых скоплений вклинивались в линию связи. Или декодирующее устройство переставало различать свет и тень. И тогда отражение реальности могло раскрываться целых двадцать минут кряду. Бывали, бывали такие случаи уже не один раз. А порой в экране рождалась сплошная темень. О чем это говорило? О том, что передающая камера уже умерла, протараненная метеором? Или просто она сфокусировалась на чем-то действительно темном? И самое страшное даже не этот предполагаемый обрыв жизненных функций машины. Весь ужас в другом. В том, что даже такое изображение – это уже отставший от действительности фон. Там, в реальном далеке Луны, перед камерой уже несколько другое. Съемка того, другого, уже идет. А мы все обрабатываем и исходим в выводах из старья. Но ведь машина не стоит – она движется. Медленно, очень медленно. Улитка в сравнении с ней – скоростной лайнер. Но что прикажете делать, когда панорама впереди отстает так намного? Тормозить? Но каждый запуск электрических моторов – это дополнительная отобранная мощность. Ее так мало.

И ведь нужно не только увидеть изображение. Нужно еще понять, что там, собственно, высветилось. Безвоздушный мир – странная штука. Там нет плавных переходов. Слепящее сияние, тьма и граница толщиной с математическую точку. И попробуй разберись, что перед тобой. Можешь влезть в экран носом или послонявленным пальцем, ничего не помогает. Конечно, пока раскрепощается очередной слайд, есть время посовещаться – вместо курения. Думаете, толпа видит истину лучше, чем одиночка? Кто из советующих реально ступал в чужие миры? Возможно, не помешала бы консультация Нила Армстронга, но кто его выпишет сюда в консультанты? Что значит вот та черная линия? Это царапина на стекле объектива, лакуна в радиограмме, тень находящегося в сотне метров пика или все-таки кратер? Обзорная камера расположена невысоко, и нельзя заглянуть с другого ракурса. Вообще-то обзорных камер две, но одна запасная, на случай того самого планируемого сбоя или шального метеорита. Если впереди действительно кратер, то какого размера? Ясно, что не гигантский, стокилометрового радиуса, отмеченный телескопами сто или пятьдесят лет назад. Но какая разница для автономной машины – угодить в двадцатиметровый, вырытый тридцать миллионов лет назад, с реальной глубиной пять метров, или в относительно свежий, диаметром десять, глубиной два. И так и так, в случае падения, не выбраться.

Возможно, именно в этом отличие искаженного отобра-

жения мира от чистого идеализма. В случае ошибки там, за четыреста тысяч километров, произойдет реальная катастрофа. И нет никого, кто сможет зацепить трос и вырвать опрокинутую в кратерный кювет машину из вечного ледяного сна. И пока изображение в телевизоре распаковывается, черепашным темпом раскрывая строку за строкой, нужно ускоренно думать, что впереди, перед восьмиколесным посланником. И нет шлюзов, закрывающих поток предположений, высказываемых всеми работниками, забредающими в зал управления поразвлечься. И когда терпение иссякает, командир «Ходока», майор Игорь Федоров, демонстрирует свою офицерскую суть. Рывкает! И все лишние, пришедшие поглазеть, быстренько рассасываются по своим мелочным делам. И остается потеющий водитель Вячеслав Довгань и штурман-навигатор Викентий Самаль. И можно сказать, что все они мысленно бросают монетку – чет-нечет. Не похоже это на кратер. Скорее, как и на той неделе, это складка грунта, дающая тень-удлинение. И, значит, никаких обходных маневров. Потихонечку вперед. «Давай, космонавт, потихонечку трогай и песню в пути не забудь!»

Но они, разумеется, не поют.

Глава 5

Предположения

Солнце стояло близко к зениту, в этой местности оно никогда не бывает точно в центре. Оно провисит так еще долго, день в этих местах длится две недели. Кроме того, над линией горизонта расположилось никогда не заходящее светило – Земля. Странно, но остальная часть лунного неба не представляла собой идеальную темноту с выколотыми точечными звездами. Это относительно светлый фон, по крайней мере сравнительно с тем, который предполагалось наблюдать поначалу. Вообще после того, как еще в первые дни прилунения «Луноход-1» навел фотометры вверх, узнавшие их показания астрономы несколько расстроились: в совсем недалеком прошлом предсказывалось, что в отдаленном будущем на Луне можно будет строить обсерватории с удивительной разрешающей способностью. Сейчас, после выявления белесого фона, к этой идее следовало относиться с подозрением. Не имея возможности проверить, ученые предположили, что над естественным спутником постоянно висают некие пылевые структуры, возможно даже намагниченные особым образом. Так что все-таки для лучшей чистоты телескопы будущего удобнее всего размещать в открытом космосе.

В настоящий момент передвижная лунная лаборатория находилась в центре кратера, носящего имя бельгийского

писателя девятнадцатого века, творившего когда-то на французском языке. Звали его Камиль Лемонье, а самый известный из его романов носил страшное название – «Мертвец». Беспилотный лунный путешественник не имел об этом никакого понятия, и уж тем более он не мог вывести аналогию, как-то связующую происходящее с будущим или прошлым. Сейчас он нависал над местом, в котором, словно меридианы, свились в узел все предшествующие эксперименты с выявлением источника широкоспектрального излучения. Конечно, «нависал» сильно сказано: верхняя часть «кастрюли на колесиках» отстояла от поверхности всего на метр. Правда, похожие на орудия пришельцев антенны сверхдальней связи торчали гораздо выше, задерживая в прицеле находящуюся за сотни тысяч километров Землю. Оттуда, из не раскрашенной в красное, как на глобусе, но все же родной шестой части суши и поступали на луноход команды.

До этого момента он перелопатил своим выдвижным исследовательским шупом несколько десятков квадратных метров поверхности. Он делал это не тят-ляп, а как мог осторожно: в округе не имелось ремонтной бригады, способной починить сломанное оборудование. После того как тонкую пылевую подушку, а также слой почвы, похожий на вулканический туф, пронзал простой шуп, связанный с датчиком давления, за дело брался его более способный собрат, напшигованный чувствительной техникой. Уже в самом начале исследования «почвы» у далеких, дешифрующих пере-

данные сообщения селенологов пересохло во рту от предчувствия. По всем прикидкам разыскиваемый ими объект имел действительно точечные размеры. Очень часто по этому поводу вспыхивали оживленные незапланированные дискуссии.

– Послушайте, – говорил кто-нибудь с особо бойким выражением. – А американцы не посылали в это место ничего?

– Вроде бы нет, по крайней мере из того, что нам известно.

– Может, какой-нибудь из ранних «Рейнджеров»? Тех, что просто падали, без мягкой посадки?

– Наши службы вроде бы фиксируют все их запуски, – пожимал кто-то плечами. – Или это только сейчас, а десять лет назад еще не могли?

– Что вы мелете? – удивлялся кто-то третий. – Пусть даже это какой-то из американских селенитов. Как он мог сесть в те годы? У него бы не хватило массы – в смысле топлива – для посадки, во-первых. А во-вторых, если этот кратер не стерло за сто миллионов, но уж падение спутника – оставило бы след, видимый через восемь-десять лет. И в-третьих, что же это за штука у него на борту, дающая такой фон?

В общем, загадок хватало. А решения многих из них не проглядывались вовсе, по крайней мере до нахождения Аномалии. Теперь эту тайну, с легкой руки Гарри Николаевича Роговского, так и именовали – с большой буквы.

Глава 6

Одобрение

– И все-таки что это может быть? – академик Келдыш сощурился. – Давайте смелее, я что – бывший генеральный конструктор, что вы боитесь высказаться?

– «Луноход-1» находится приблизительно в центре древнего полуразрушенного кратера Лемонье. Ясно, почему приблизительно? Диаметр кратера пятьдесят пять километров. Из-за эрозии – в ее лунной вариации разумеется, то есть не в связи с ветром и дождем, а из-за лунотрясений, а также температурного...

– Давайте минуем элементарщину, Георгий Николаевич, – подстегнул собеседника руководитель советской космической программы Келдыш.

– Так вот, из-за эрозии мы не можем определить точный центр. Кроме того, даже первоначально, при падении метеорита, вызвавшего образование кратера, кольцевые горы не выстроились строго по диаметру. Вязкость почвы может быть различна – это окраина лунного моря. Помимо этого, астероид мог войти в Луну под некоторым углом...

– Георгий Николаевич, но я же не первокурсник и не на лекции в планетарии.

– Извините, – покраснел руководитель инженерной группы. – Короче, мы не можем определить самую центральную

точку. И тем не менее мы знаем, что наш «Ходок» где-то у центра. Не следует ли чисто логически предположить причиной Аномалии остатки метеорита?

– Сколько этому кратеру лет, Георгий Николаевич? – Скривился академик. – Какой объект может быть столь радиационно активен миллионы, точнее, сотни миллионов, даже полмиллиарда лет?

– Мы не знаем. Наши предположения строятся на чистой экстраполяции. Давайте исследовать дальше.

– Кроме того, не просто активен, а практически во всем спектре, – президент Академии наук СССР Келдыш когда-то занимался не какой-то космической радиацией, а совсем другой, он понимал толк в деле. – Хорошо, подвигайте «Ходока» по местности. Мне мало верится, но вдруг правда имеется точечный центр.

– Спасибо, Мстислав Всеволодович.

– Работайте спокойно, Георгий Николаевич.

Глава 7

Курорт

Иногда, в редкие выходные, даже не выходные, а так, пяти-, шестичасовые выжимки из дня, удастся спуститься в плещущееся тут же, в ста метрах по горизонтали, море. Хорошо, если эти свободные часы совпадают с удачной погодой, удобным для купания временем суток и подходящим для плескания в воде сезоном. Погодой – в смысле не шторм. За купание в пятибалльную прелесть пропесочат по служебно-партийной линии так, что оторгнется та соленая водица еще о-го-го как.

Время суток – понятное дело. Если б до того, шумящего архейской истомой, плескания только стометровая гладкость пляжа, разницы день-утро-ночь – никакой. Но есть еще восьмидесятиметровая вертикаль скал, удачный природный постамент под частично впаянным в эти же скалы ЦДКС. И все секретно, и никакой романтики ночных фонарей. Так что, спускаясь по протоптанной поколениями самоходчиков тропке, можно сковырнуться. В камнях – что с восьмидесяти, что с десяти. Даже с трех метров вертикали падение способно закончиться с однозначно вероятным исходом. А если не с однозначным, то снова партийно-служебные разборки с окончательным исключением из первой составляющей и скатыванием вниз по второй. Но еще до того, прямо в боль-

нично-коечном режиме – непринужденное общение с особистом по вопросу причастности к происшествию непосредственных и удаленных в верхотуру начальников.

Ну а по сезону – все понятно. Крым – он вообще-то на юге, на полуострове растет виноград, однако это далеко не вечно сравниваемая с Украиной Франция и уж, тем паче, не сапоговая прелесть Италии. Здесь имеется в наличии настоящая зима. Снег, метели и хорошая корочка льда на надоевшей оголенности скал.

Но понятно, и спору нет, что это все-таки не запредельная Кызыл-Ординская область с бесконечной гладкостью пустыни Бекпак-Дала. Не та безлюдная, заселенная тушканчиками протяженность, словно самой природой назначенная для ловли разгонных ступеней управляемых отсюда, из Крыма, луноходов. Но все-таки здесь не сахар, хоть в восьмидесяти метрах ниже и плещется море. Возможно, оно даже бывает ближе, на одной горизонтали – это когда лифтовая скрипучесть погружает тебя на рабочее место командира, штурмана или водителя бредущей где-то за четыреста тысяч километров машины. И конечно, выходные бывают только ночью. Нет, не нашей короткой – земной. Той, настоящей, сходной чем-то с кошмаром или с ледниковым периодом. Той, к которой надо готовиться где-то за двое-трое суток, ибо нужно успеть найти подходящее ровное местечко, не затененное скалами. Въехать туда луноходом и хитро развернуться «к лесу задом, ко мне передом». А точнее – отворотить

камеры-глаза от тихо падающего слепящего шара, ибо даже на закате он не краснеет, и повернуться так, чтобы лучи зародившегося после ледникового периода светила попали прямо в поднявшуюся оловянным солдатиком солнечную панель. И тогда все, возможно, возродится. Техника, сейчас впадающая в летаргию, воскреснет. Если, конечно, повезет и какие-нибудь неясные призраки не прикончат машину, не съедят хранитель тепла – изотопный реактор, и какой-нибудь шальной, миллион лет шастающий в округе Солнца метеорит не расплющит захлопнувшуюся до поры покатошь крышки. И ведь все едино, никогда и никто не узнает, что случилось и как. Просто в начале следующего дня с лунным странником не наладится привычный канал связи. На Земле проскочит коротко-неприметное сообщение ТАСС, спрятанное между бойкими рассказами об успешной жатве и молотье. В нем скажут, что в связи с выполнением и перевыполнением поставленной ранее задачи деятельность подвижного исследователя Луны успешно окончена; сеанс связи завершен. Ну а в ЦДКС – Центре дальней космической связи – это будет большое ЧП. И, возможно, полетят головы, и уж наверняка некоторое число звездочек с многочисленных погон, разных – больших и малых. Пожалуй, это уже даже не местный кошмар. Он пойдет по всей цепочке советской космонавтики. Однако это только вероятность. А пока...

Так вот, именно в эту самую двухнедельную лунную ночь и случаются выходные. Вот тогда и можно наконец спустить-

ся вниз со скалы, радуясь, что такие крутые попадаются только здесь, на обточенной воздухом и водой Земле, а не там, за триста восемьдесят тысяч километров. И даже плескаясь в прелести черноморской прохлады, невольно мыслишь не об этом, настоящем море, а о том, безводном море, в котором ты никогда не был и не будешь, но в котором все-таки живешь и действуешь по-настоящему – Море Ясности.

Правда, последнее время, в противовес названию, что-то с ним не очень понятно и ясно. Ну что же, в те века – когда этому морю давали название, никто даже не предполагал, что там не только нет, но и никогда не водилось воды.

Ну а здесь, вблизи Евпатории, уподобляясь обезьяне, то есть помогая ногам ручками, получается спуститься по скале вниз и нырнуть в волну. Хотелось бы попробовать с аквалангом, но партия смотрит на это косо. У нее достает хлопот со спасательными миссиями на Луне, не хватало еще подряжаться на вылавливание тел покорителей Селены здесь!

И они купаются осторожно. Насколько это свойственно молодости, конечно.

Глава 8

Сменщик

– Мы не знаем, что наш «Ходок» выволок на поверхность. Честно говоря, не существует полной уверенности, что он эту самую штуку извлек вообще, – пояснял ситуацию заместитель руководителя инженерной группы луноходов, а также разработчик машины Олег Генрихович Ивановский. – Когда манипулятор ухватил груз, мы замерили усилие. Приблизительно десять килограммов. Но, по всей видимости, в нашей аппаратуре из-за воздействия Аномалии успели накопиться технологически опасные изменения. Десять кило для нашей «руки» вполне посильная ноша. Мы, естественно, управляли движением со всей возможной осторожностью, тащили эту Аномалию как хрустальную вазу. Однако внезапно (причины пока еще выясняются, однако вряд ли к этому имеет отношение усталость металла) наш манипулятор сломался.

– Вы уронили груз? – Келдыш спрашивал совершенно спокойно, как и подобает разговаривать президенту Академии наук СССР.

– Этого мы и не знаем, Мстислав Всеволодович. Разрешите, я поясню? – вмешался в разговор руководитель программы освоения Луны Бабакин. – Одновременно с исчезновением возможности манипулирования «рукой» был зафиксиро-

ван всплеск излучения по всем до того наблюдаемым частотам. Наши обзорные камеры выведены из строя – ослеплены. Так что нам просто нечем смотреть на происходящее. Кроме всего, «Ходок» практически перестал управляться. Единственное, что он еще делает, – это отвечает на некоторые запросы отсюда, из Центра дальней космической связи. Как вы знаете, сила этого таинственного всплеска была столь велика, что его даже зафиксировала Абаканская обсерватория. Ее аппаратура задействовалась нами с самого момента обнаружения Аномалии.

– Понятно, – кивнул Келдыш. Он повернулся к Ивановскому. – Олег Генрихович, а что бы вы предложили предпринять в данном случае?

– Мстислав Всеволодович, с неисправным «Ходоком» мы ничего не достигнем. Может быть, лет через десять, когда программа развития искусственного интеллекта наберет обороты, мы научимся чинить некоторые неисправности на расстоянии, за счет изменения управляющих программ, но сейчас... – заместитель руководителя инженерной группы тяжело вздохнул. – Но упустить столь странный объект, как Аномалия...

– Я бы предложил послать на помощь «Луноход-2», – снова вклинился в дискуссию Бабакин.

– Понимаю. В каком состоянии готовности он находится? – сразу среагировал академик Келдыш.

– Вообще-то он проходит очередные полевые испытания

на «лунодроме» под Симферополем, мы ведь готовили его к засылке только в следующем году. Но что стоит доставить его на Байконур? Реально он вполне готов.

– А как насчет носителей?

Главный советский специалист по освоению Луны широко улыбнулся:

– Мстислав Всеволодович, наш космодром работает как часы. Если поднапрячься, то...

– Так, понял вас. Давайте, готовьте второй луноход. Однако языки держите на привязи – решение еще не окончательное. Я пока уточню, что по этому поводу думают другие службы. Если они будут настроены так же бодро, то... – глава советской космической программы на мгновение замолк. – Попробую убедить высокое руководство.

Глава 9

Борозда

В ту, отстоящую во времени, но еще более далекую по духу эру гигантский комплекс космодрома Байконур действительно работал с синхронностью часового механизма и с безотказностью автомата Калашникова. Стартовые комплексы, разбросанные по пустыне-степи там и тут, позволяли производить как плановые, так и внеплановые запуски круглый год напролет. И это при том, что космодром располагался не на бережку теплого моря-океана во Флориде, а в центре Евразии. Зима здесь страшна: она крутит над обнаженной, просифоненной двадцатиградусным холодом землей белыми метелями, ссыпает весь запас снега возле понравившихся препятствий. Деревья здесь не водятся, а потому любое препятствие – искусственное. Стартовый комплекс – очень подходящая штукавина для задержки белой крупы с тысячи квадратных километров и возведения снежных баррикад трехэтажной плотности. И автоматические стыковки-расстыковки там, в заатмосферной чистоте, подпираются солдатской лопатой из фанеры здесь. Но что же, раз на стартовых столах полыхают отсветы ракетного пламени, значит, русские методы вполне приемлемы в технологическом сердце Казахстана.

Считанные дни подготовки. Включая самолетный рейс за «Луноходом-2». В запасе всегда имеются ракеты. Свинтить

с нее какой-нибудь «Космос-242» и установить «Луну-21» дело плевое. Ну, правда, там еще надо разместить дополнительную ступень. Однако они тоже всегда готовы – все тип-топ. «Луноход-2» отправляется и возврату не подлежит, это вам не капсула с астронавтами, которых дома ждет мама. После выполнения доверенной задачи или при отказе оборудования он так и так останется сам себе памятником и, между прочим, простоит даже не века – гораздо больше. На Луне нет ни ветра, ни воды. Зато там есть микрометеоры, а иногда даже совсем не «микро». Ну что ж, так или иначе, это процесс долгий, здесь, на синеголубой Земле, луноход предадут гораздо быстрее. Его даже продадут. Но это уже совсем другая история.

Для начала трехступенчатый ракетоноситель вывел «Луну-21» на околоземную орбиту. В течение одного оборота инженеры произвели очередное тестирование: естественно, с помощью радиосвязи. Затем – повторно. Теперь уже последним аккордом сработала четвертая ступень, и отважный автомат разогналсЯ до второй космической скорости. Закаленное казахским холодом оборудование и в космосе работало как недавно запущенный в Тольятти конвейер «Жигулей» – возможно, даже лучше. Абсолютно безлюдная станция «Луна-21» домчалась до природного спутника и совершила мягкую посадку в указанной точке – в древнем кратере Лемонье, западная окраина Моря Ясности.

Второй экипаж водителей луноходов, во главе с майором

Николаем Еременко, был выдернут из постелей, загружен в автобус и спешно доставлен в ЦДКС. Впереди автобуса марки «ЛАЗ», во избежание эксцессов, ехал гаишный «уазик». Сидящие в мягких креслах «водители-ходоки» невольно зедали, но были все равно довольны: за последние трое суток им впервые удалось поспать пять часов кряду. Во время полета станции, а также в период подготовки к запуску они корпели над инструкциями. «Луноход-2» был достаточно сильно доработан по сравнению с первым «Ходоком». Кроме того, в его передней части разместили не предусмотренный ранее титановый манипулятор, с которым бортинженеру Леониду Мосензову предстояло работать с виртуозностью ювелира.

Правда, у «экипажа» появилось добавочное время на раскочку – «Луна-21» «промазала». Не намного, всего на пять километров. Но между ней и «Луноходом-1» обнаружилось препятствие, не замеченное земными телескопами. Предположительно – след скользящего метеоритного удара или тектонический разлом. Его глубина составляла от сорока до восьмидесяти метров, а длина (как выяснилось позднее) шестнадцать километров. Препятствие получило название – Прямая борозда. И потому «экипажу» требовалось совершить на своей машине марш-бросок на тридцать семь километров – приличная дистанция для Луны.

Глава 10

Кремль

– Товарищ Генеральный секретарь, мы не можем приступить к инициации столь сложной программы без вашего согласия, – уже через несколько часов и тысяч километров убеждал академик Келдыш руководство.

– Само собой понятно, товарищ президент Академии наук. Но, как я понимаю своими военными мозгами, вы уже «угробили» один дорогостоящий аппарат, так?

– Так, товарищ Генеральный секретарь.

– И?.. – Леонид Ильич вскинул свои густые брови, служащие катализатором множества анекдотов.

– Тем не менее второй нужно было послать обязательно.

– С этой акцией, Мстислав Всеволодович, я уже согласился, но... – Брежнев резво встал. В рассматриваемое нами время это был еще не отягощенный склерозом старик, а вполне бодрый шестидесятипятилетний мужчина. Во время отдыха он еще позволял себе самому посидеть за рулем, правда, под присмотром опытного водителя из Комитета госбезопасности. – Вам ведь мало даже этого?

– Да, Леонид Ильич, если подтвердятся некоторые из наших предположений, то этого может оказаться недостаточно, – ответил Келдыш, тоже приподнимаясь. Брежнев остановил его жестом.

– Как я знаю, наша программа еще не доведена до полной готовности. Так?

– Все так, Леонид Ильич. Но я, как видите, захватил с собой академика Александрова. Я сделал это не просто так. Хотелось бы, чтобы он, исходя из своих знаний и научной специализации, высказал некоторые соображения в пользу нашего решения.

– Я надеюсь, это будет не слишком длинно, Анатолий Петрович? – Генеральный секретарь КПСС снова опустился в кресло и откинулся назад, словно в кинотеатре.

– Любую здравую мысль, Леонид Ильич, можно высказать кратко. Мы ведь не собираемся обводить Центральный Комитет вокруг пальца, – скупой улыбнулся директор Института атомной энергии имени Курчатова.

– Хорошо, Анатолий Петрович. Но у меня тут для страховки, на случай, если вы в чем-нибудь смухлюете, как видите, имеется эксперт. Человек, знающий ваши тонкости.

Скромно сидящий за столом Дмитрий Федорович Устинов приподнялся, блеснув массивными очками. Разумеется, все присутствующие были давным-давно знакомы не только по кремлевским кабинетам: генерал-полковник, являясь секретарем Центрального Комитета, координировал и направлял деятельность всех конструкторских бюро, научных учреждений и промышленных предприятий.

– Так что можете приступать, товарищ атомщик, но с оглядкой, – пошутил Брежнев.

– Товарищи, – официально, как на докладе, начал академик Александров. – У нас, безусловно, нет полной уверенности. Как здесь было замечено уважаемым Леонидом Ильичом, «Луноход-1» вышел из строя. Его аппаратура в настоящий момент нам не помощник. Мои коллеги – астрономы – любезно предоставили для наших целей самый большой в мире оптический телескоп. Однако даже его разрешения не хватает разглядеть, что творится на Луне. Но по крайней мере мы убедились, что в кратере Лемонье не произошло каких-то сдвигов ландшафта. Внешне все так, как и было до того момента, когда подвижная лаборатория извлекла из пыли Аномалию. В связи с таинственным широкодиапазонным излучением мы еще до аварии начали заниматься проработкой теоретической модели. Должен признаться, что на сегодня у нас по-прежнему есть только гипотезы, и тем не менее... – академик кашлянул. – Мы предполагаем, что лунник обнаружил новый вид космического объекта. Пока, условно, мы его обозначили как «белая микродыра».

– Твою мать, – тихо, почти про себя констатировал Леонид Ильич, шевельнув бровями.

Глава атомной программы СССР никак на это не среагировал и продолжал:

– До сего момента существовала гипотеза о так называемых черных дырах и черных микродырах. В данном деле они нам не пригодятся, так что выведем их за скобки. Что есть «белая дыра»? Это объект, через который поступает энергия

в наше обычное трехмерное пространство откуда-то извне. На сегодняшний момент неважно откуда. Может, вообще не получится установить, откуда идет перетекание энергии. Возможно, это ранее сжатое массивное космическое тело, может быть, остаток некоего протовещества, которое существовало еще до появления нашей Вселенной; может быть, просто область пространства, в которой, в силу покуда неясных причин, происходит лавинообразное высвобождение из вакуума виртуальных частиц – переход их в реальность; а может быть, выход подпространственного туннеля, соединяющего наш мир с удаленной на миллионы световых лет «черной дырой» – где-то там она производит засасывание материи. Более того, эта «черная дыра» может помещаться в какой-то другой вселенной.

– Товарищ академик, – серьезно посмотрел на «докладчика» Генеральный секретарь. – Не понимаю, о чем мы ведем речь?

Человека, всю сознательную жизнь возящегося с реакторами, смутить было трудно, однако он все-таки прервал плавно текущую речь.

Сидящий в стороне Устинов кашлянул.

– Вы хотите что-то сказать? – повернулся к нему Брежнев.

– Разрешите, Леонид Ильич, я немножечко направлю нашего уважаемого ученого?

– Еще бы нет, Дмитрий Федорович. Вы же у нас главный направлонец по науке, – Брежнев снова воззрился на Алек-

сандрова, видимо, желая пронаблюдать его реакцию на готовящийся доклад одетого в гражданский костюм генерал-полковника.

— Товарищи ученые, — Устинов предусмотрительно встал. — Мы ждали короткого, связного сообщения. Нам, безусловно, премного интересны все эти заумности, однако речь тут должна идти о конкретном деле. Партия, в нашем лице, всегда поддерживала фундаментальные науки на высоте, но не стоит забывать, во что это все обходится, выражаясь в наших рублях. И даже не в этих миллионах и миллиардах суть, следует помнить о том, что мы держим нашу науку на лучшем мировом уровне, а кое-где и выше, за счет нашего народа. Каждый тратящийся не по назначению рубль — это капли пота наших рабочих и колхозников, вылившиеся зря. Мы с вами должны это понимать, никогда не терять из виду главное. Вот вы нам тут излагаете эти гипотезы, а суть-то в чем? Скажите нам, как специалисты, что приобретет наше народное хозяйство в случае успеха, в случае правильности ваших гипотез? Вот о чем должна идти речь. Оправдаются ли затраченные на это дело усилия?

— Очень, очень верно, Дмитрий Федорович, — кивнул бывший политработник Леонид Ильич Брежнев. — Видите, наша партия не зря ест хлеб, товарищи академики. И хотелось бы добавить в этом ключе. Кроме пота нашего народа, сейчас вы хотите примешать к делу кровь.

— Уважаемый, Леонид Ильич, это сгущение красок, — раз-

вел руками академик Келдыш. – Тем более что вторая фаза потребуется лишь в случае, если «Луноход-2» подтвердит наши надежды.

– И все же, уважаемый Леонид Ильич абсолютно прав, – под массивными очками Устинов стал похож на нахохлившегося филина. – В предлагаемом вами плане мы рискуем не только десятками и сотнями миллионов рублей, но и жизнями советских людей, даже, я бы сказал, лучших из них.

– Тогда я выражусь предельно кратко, – спокойно сказал директор самого почитаемого в СССР института. – Товарищ Генеральный секретарь, если гипотеза о «белой дыре» подтвердится, в нашем распоряжении окажется источник энергии, превосходящий даже то, чем я занимаюсь всю жизнь. Он оставит далеко позади программу «Токамак». Ту, что назначена создать термоядерную печь.

– Вот это уже интересно, это действительно перспектива, – согласился секретарь Устинов и повернулся к Генеральному секретарю. – Как вы знаете, Леонид Ильич, наша программа полного электрического насыщения выполнена сейчас почти на пятьдесят процентов. Если с помощью этой лунной находки можно будет подтянуть программу в перспективе хотя бы на дополнительные десять, это будет гигантское облегчение поступательного развития страны.

– И вы считаете, Дмитрий Федорович, что можно рискнуть не только техникой, но и людьми, так?

Устинов встал.

– Товарищи, человеческая жизнь – это великая ценность, однако любой из нас положит свою собственную на процветание Родины. Кроме того, мы знаем, что, если бы не некоторые факторы, делать торопливые шаги не стоило бы вовсе. Для нашей близкой цели – построения развитого социализма – год-два не имеют значения. Можно было бы подготовиться поступательно и надежно. Однако вынужден напомнить, что, несмотря на все наши усилия, не мы первыми высадились на Луну. Наши идеологические и вероятные противники следят за нашими успехами во все глаза. Луна – ничейная собственность. Поэтому, если нужные шаги не сделаем мы, то... Нетрудно догадаться, кто их совершит. Причем они будут идти по накатанной дорожке. И потому, как и в военном деле, здесь приходится учитывать не вероятные затраты, а возможный ущерб. Если эту самую Аномалию подберут американцы, то...

– Товарищи ученые, – пошевелился Брежнев. – А как вы считаете, могут ли на Луне находиться другие «дыры»?

– Товарищ Генеральный секретарь, – поднялся с места академик Келдыш, – конечно, может случиться и так, но не исключено, что такой объект, как Аномалия, всего лишь единственный во всей Вселенной или хотя бы в Солнечной системе, что для нас, при данном уровне развития техники, однозначно.

– В таком случае, товарищи, сама природа подталкивает нас к решению. – Брежнев встал. – Пока рекомендую вам

срочно приступить к подготовке намеченной программы по всем пунктам. Я же на пленарном заседании поставлю вопрос ребром. Собираем мы его завтра. Вас, уважаемый товарищ Келдыш, приглашаю его посетить.

– Благодарю вас, Леонид Ильич.

– Не нужно меня благодарить, Мстислав Всеволодович. Я это делаю не для собственного удовольствия, а для процветания нашей страны.

Глава 11

Рельеф

А вот очередному «Ходоку» – «Луноходу-2», – наверное, весело. Ведь он путешествует, идет по нехоженным местам. Двигается вперед, когда на далеких экранах любуются чистой, без пятнышек картинкой. Сдает назад, когда там неуверены и когда майор Игорь Федоров рывкает на зевак, снова собравшихся в главном зале. Иногда железное сердце и диодно-транзисторная душа замирают. Это когда одно из восьми колес внезапно проваливается вниз, а там... Там нет опоры, даже в пределах используемой сейчас независимой подвески. И тогда он медленно пятится задом. Но и при отступлении тоже нужна предельная осторожность. Хотя, конечно, там, на Земле, кидают монетку – «орел-решка» – вперед или все-таки – назад? Потому как впереди, все же, раскрывающаяся растровая картинка. А назад...

Но иногда замирают даже далекие биосердца экипажа. Это когда колеса на стопоре, а, судя по показаниям, смещение идет в сторону. «Ходок» неожиданно оказался на наклонном гребне кратера. И тут уж стало не до открытия очередного медлительного слайда. Надо что-то делать, и бегом. Ибо, пока сигнал о смещении дошел до Земли, уже миновала секунда. И отважнейшее нарушение инструкций – там, в ЦДКС, сидят не какие-нибудь буквоеды, а смелые люди, ра-

ди дела кладущие на плаху головы, – закрыть крышку солнечной батареи для перераспределения веса. И представьте – помогло. Ну а если... Или грудь в крестах, или голова... Подумаешь, снимут большую звезду майору Игорю Федорову и пошлют дослуживать в Тмутаракань. Бывает!

Только вначале, конечно, симпозиум по поводу того, как вытаскивать машину из воронки. Картинка имеется – хороший слайд, четкий. Еще бы, пятьдесят раз воспроизведен с однозначной ясностью. Только побоку тот симпозиум, потому как можно растянуть кабель через Атлантику, но никак не получится забросить вытяжной трос в злосчастный кратер. А потому смотрим в экраны внимательнее: в Центре управления уже есть опыт – Нил Армстронг позавидует. Подумаешь, двое суток на Луне. У водителей Вячеслава Довганя и Габдухая Латыпова – уже месяцы. К тому же за рулем. Но им еще далеко до пенсии. Так что впереди многое. Возможно, им предстоит водить по Селене прицепные поезда с рудой. Или даже собирать урожай яблок на Марсе. Кто сейчас может это исключить?

А внутри весельчака-лунохода бьется атомное сердце, распадаются ядра. Люди будущего! Воспитанники информационного мира! Учитесь утилизации отходов атомной промышленности!

Глава 12

Ловкость рук

К тому времени, когда «Луноход-2» достиг района залегания Аномалии, бортинженер Леонид Мосензов, а также освоивший смежную специальность водитель Габдухай Латыпов пользовались титановым манипулятором как своей, данной от рождения правой. Каждый раз, когда машина замирала, ожидая, пока на далекой Земле раскроется очередной «слайд», кто-то из них складывал молитвенно руки и, обращаясь с майору Еременко, умолял запитать систему «хотя бы минут на пять».

– У нас резерв топлива, – парировал их просьбы командир «Лунохода-2». – Не хватало, чтобы нам не достало мощности выбраться из какой-нибудь расщелины.

Он привирал, перестраховывался, все знали, если машина соскользнет в настоящую расщелину, выбраться она уже не сможет ни в жизнь. Но в то же время все они ведали, что значит возможность энергетического маневра. Однажды луноход поволокло юзом. И не просто поволокло, а в сплошную неизвестность. Ведь, к сожалению, как и первый автомат, он тоже не имел кругового обзора – конструкторы сэкономили в граммах, что уж было говорить о какой-то подвижной штанге с фотокамерой. Так вот, луноход поволокло вправо, затем снесло вниз по склону. Метеориты, бомбардирующие Луну,

не выбирали – им было все равно, где разбиваться и рыть новые воронки – в старых кратерах или на равнинах. После появления изображения, а потом после рассеивания пыли (нет, она явно оседала здесь не в шесть, а в шестьдесят шесть раз медленнее, чем на Земле) законсультированный до бесчувствия старший лейтенант Латыпов решился тронуть «Луноход-2» вперед. Однако... Решение пришло интуитивно, или, скорее, вспомнилось, – такое уже случилось как-то с «Луноходом-1». Они примкнули сосущую солнечный свет крышку, и это дало не столь уж тяжелой машине дополнительную центровку. Сцепление усилилось и... В общем, они выкарабкались. Нет, никто из них в это время не дрожал за покоящиеся на плечах погоны – они просто не могли подвести доверившуюся им страну.

И, значит... Когда Николай Еременко отсекал их просьбы встречной жалобой на ресурс, бортинженер Мосензов снова складывал молитвенно руки, снова поднимал очи горе и общал:

– Я все понимаю, товарищ командир. Однако вы знаете, какие помехи ставит эта найденная нами штуковина, и в курсе, как быстро в тех местах выходит из строя оборудование. Мы не ведаем, сколько попыток захвата позволит нам провести эта самая Аномалия. Я должен взять эту заразу с первого захода. Ибо если не так... Послушайте, Николай Павлович, зачем мы вообще туда едем?

И тогда майор Еременко уступал младшему коллеге, но

тоже майору, Леониду Мосензову.

И два офицера, один старший, а один младший, начинали хватать своей одинокой титановой рукой всякую всячину. Надо сказать, что в некоторых местах Луны очень туго с бесхозно валяющимися булыжниками.

Глава 13

Хозяева космоса

– Значит, вы считаете, что с попаданием нашего корабля в другое место сложностей не будет? – с воодушевлением спросил президент Соединенных Штатов.

– Планировщики НАСА не видят никакой проблемы в перенацеливании посадки с Моря Кризисов в Море Ясности. В данном случае, господин президент, коррекция касается только пертурбаций на орбите Луны. Программу взлета с Земли нужно менять только относительно с общим сдвигом всей программы полета, – выдал пояснения директор Агентства по аэронавтике и исследованию космического пространства Паул Бикле.

– С точки зрения географии, а уж тем более добрых предзнаменований, поменять Море Кризисов на Море Ясности весьма приятно, – улыбнулся Ричард Никсон. Сегодня он был явно в хорошем расположении духа.

– Все правильно, господин президент, – подыграл директор НАСА. – Кроме того, даже если вся эта активность русских не имеет под собой чего-то действительно стоящего, наш корабль просто выполнит очередную, запланированную экспедицию. Привезет сколько-то килограммов лунного грунта, установит наш флаг в центре кратера Лемонье, астронавты заснимут несколько трюков для телевидения и тому

подобное. Так что средства налогоплательщиков не растратятся попусту.

– Помимо этого, мы в очередной раз утрем нос Советам. Покажем им, кто истинный хозяин в космосе, – констатировал министр обороны Лэйрд. – Как скромно умолчали коллеги из НАСА, – министр подмигнул директору агентства, – уже в ближайших запусках, после этого, экстренного, наши парни испытают на Луне созданный конструкторами вездеход, который сможет в два счета обогнать любой из русских луноходов.

– Он, правда, не будет радиоуправляемым, – уточнил Паул Бикле.

– Ну так нам это и не надо, – пожал плечами Лэйрд. – Наши парни запросто гуляют по Луне. Зачем нам мучиться с управлением с Земли? Это игрушки для нищего Советского Союза.

– Ладно, о чем мы говорим? – прервал полемику президент. – Значит, решено. Наша ракета стартует досрочно. Садится в Море Ясности. Грузит эту таинственную штуковину прямо на «глазах» у этих социалистических луноходов и привозит ее нашим физикам. Теллер, как я понимаю, ждет не дождется такого подарка от дружественного научного ведомства. Я угадал?

– Еще как, господин президент, – заулыбался министр обороны.

– И он действительно верит, что эта удивительная вещь

существует? Убежден, что она нам пригодится?

– Мы ведь исходим не только из данных разведки, господин президент, – вмешался в разговор директор АНБ Гейлер. – Мало ли что могут наизобретать эти помешанные на Марксе головы. Но ведь наши радиотелескопы – сразу несколько, – расставленные в разных районах материка, зафиксировали всплеск в радиодиапазоне.

– Спектр аномальный, – добавил директор НАСА, – мы покуда не придумали, каким из существующих природных процессов можно вызвать подобное явление. Тем более искусственно.

– И штучку можно будет использовать?

– Если это действительно так называемая белая дыра, то все может случиться, – пояснил Паул Букле. – Для меня, как ученого, имеют значения даже просто новые знания. Но случиться может действительно все. В этом ключе, господин президент, меня расстраивает то, что исследованием данного явления будет заниматься столь ярый милитарист, как Эдвард Теллер. Может, стоит расширить круг посвященных в дело ученых?

– Это успеется, господин директор, – с некоторой досадой ответил Ричард Никсон. – Рано делить шкуру неубитого медведя.

– Разумеется, эту штучку надо у Советов украсть, – сцепил ладони в замок министр обороны. – Не знаю, как для мирной жизни, но уж для войны они найдут, как ее использовать.

– Понятное дело, – снова заулыбался Никсон. – А вот наш «миротворец» – Эдвард Теллер – будет ее исследовать исключительно для мирных целей.

И все от души рассмеялись. Они наслаждались своим все-силием в космосе. Ведь корабли марки «Аполлон» уже дважды успешно садились на поверхность спутника Земли.

Глава 14

Магнитный шквал

Даже если бы «Луноход-2» являлся полностью автономной системой и действовал по программе, заложенной в кремневые извилины, то и тогда бы на Земле легко определили момент, в котором он извлек из лунной пыли таинственную Аномалию. Здесь, правда, не присутствовала мистика, сходная с известным случаем по поводу вскрытия могилы завоевателя Тимура, произведенного, вопреки предупреждающей надписи, 21 июня 1941 года в СССР. Что случилось на следующий день, знают все. Об извлечении Аномалии, точнее, о сопровождавшем сей процесс событии, узнали на планете-метрополии мгновенно. Необъяснимый электромагнитный всплеск взбудоражил большинство радиолокаторов мира. Те из приборов, что работали в паре и «смотрели» в нужную сторону, смогли – кто точно, кто грубо – определить местоположение источника. Разумеется, связать это конкретно с кратером Лемонье, и тем более с работой «Ходока», могли только те, кто был в курсе происходящего. Для специалистов другой, не космической ориентации секундный сбой в работе подвластных систем мог трактоваться только как досадная помеха. Поскольку она не повторилась, вникать в ее суть не имело смысла: настоящее научное мышление не занимается недублирующимися процессами.

Так что, по большому счету, на электромагнитный всплеск обратили внимание только случайные радиоастрономы, но их официальной реакции требовалось еще дождаться. Времена Интернета пока не наступили, а значит, статьи и заметки по поводу странной активации Луны должны были еще дождаться своей очереди на публикацию в специфических узкоспециализированных журналах. Кто знает, может быть, они бы даже не протиснулись сквозь редакторскую цензуру?

Однако те, кто следил за кратером, носящим французскую фамилию не забавы для, очень сильно насторожились. Еще бы, учитывая триста восемьдесят тысяч километров – приличную дистанцию даже для сфокусированных сигналов, – что можно предположить о мощности всплеска там, в эпицентре? Например, американская техническая разведка АНБ была в шоке. Бог знает, что там сотворили русские, но почему бы не предположить, что они испытывают на Луне какие-нибудь сверхмощные электромагнитные бомбы, способные одним махом вывести из строя всю североамериканскую систему раннего предупреждения о ракетной атаке?

Однако советские наблюдатели из Центра дальней космической связи, расположенного в окрестностях курорта Евпатория, прекрасно ведали, в какой именно момент произошел выброс электромагнитной энергии. Это случилось именно тогда, когда титановая лапа добравшегося до места «Лунохода-2» врылась в почву, ухватила найденный первой машиной

таинственный точечный объект и, вложив в усилие все причитающиеся в максимуме киловатты, извлекла Аномалию из почвы, точнее, из лунного туфа.

Перед магнитным «взрывом» команда Николая Еременко успела получить несколько слайдов происходящего. На последних двух перед камерой четко просматривался четырехпалый титановый манипулятор, держащий над ямой нечто не слишком большое, но достаточно расплывчатой формы, дающее на черно-белом фото засветку. Приблизительно такую же «засветку» получили и другие, не оптические системы лунохода, способные наблюдать за окружающим миром.

К сожалению, эти изображения и данные бортовых магнитометров оказались последним «приветом» Земле. После электромагнитного шквала связь с машиной прервалась.

Глава 15

Пехота

– Обидно, что станция «Луна-21» не способна снова стартовать, – жаловался как-то один из создателей луноходов Олег Генрихович Ивановский академику Келдышу. – А то можно было бы выкопать эту Аномалию и оттранспортировать ее обратно на взлетную ступень. А там – взлет, полет, посадка – и вот она уже тут, на лабораторном столе, под электромагнитным или каким там надобно колпаком.

«И не пришлось бы рисковать людьми. Посылать их туда на не до конца проверенной технике», – думал по этому поводу руководитель советской космической программы.

Теперь эти мечты-сетования Ивановского не имели никакого значения. Автономная машина подвела. Точнее, она не выдержала напора таинственной Аномалии. После случившегося имеет «Луна-21» взлетную ступень или не имеет, стало абсолютно равнозначно: «Луноход-2» все равно не смог бы к ней вернуться. По этому поводу можно было скрипеть зубами, но не имело никакого смысла распекать того же Ивановского или, например, ленинградское НИИ, специализирующееся обычно на танковых шасси, а теперь для разминки разработавшее ходовую часть лунной машины.

Уже после случившегося с «Ходоками» стало ясно, что защита луноходов не соответствует заданию. «Луноходу-1»

достаточно было только соприкоснуться с Аномалией, чтобы почти все его системы перестали работать. Но проходящий испытания на «лунодроме» под Симферополем «Луноход-2» уже не поддавался переделке. На это просто-напросто не имелось времени. Да и вообще, допустим, ленинградский НИИ подзаянял бы у родного танко-тракторного завода две-три тонны брони и умудрился бы навесить ее на лунного странника, что с того? Пусть даже теоретически, это бы спасло ситуацию? Если бы даже несчастный «Луноход-2» сумел утянуть на себе дополнительную поклажу (благо на естественном спутнике это бронирование будет вшестеро легче), то все равно: где взять посадочную станцию нового типа, способную доставить нечто потяжелее восьмисоткилограммового четырехосного механизма?

И главное – что необходимо предпринять теперь? Разрабатывать принципиально новую, причем узкоспециализированную машину нужно годы, пусть – месяцы. Да и кто в правительстве поддержит идею ее разработки?

Где-то в цехах имелся недособранный «Луноход-3». Кое в чем он планировался более совершенным, чем предыдущие, но ведь и он не был танком. Да и вообще, по нормальным срокам его окончательная сборка ожидалась не ранее семьдесят четвертого года. Кто будет дожидаться? В настоящее время и разведывательные спутники, и агентурная сеть ГРУ докладывают об активизации потенциального противника на мысе Канаверал. Срочно готовится к запуску новый «Апол-

лон». Мы что, хуже американцев? Да, мы проиграли первый акт покорения соседнего небесного тела. Но до сего момента на карту ставился только престиж. Сейчас... черт знает, что поставлено на кон сейчас. Возможно, все будущее социализма? И почему бы, собственно, нет?

Разумеется, никто не может гарантировать, что эта таинственная Аномалия не способна с такой же убийственной эффективностью воздействовать и на людей. В мире, по-видимому, действует военное правило: там, где не прошли танки, продвинется пехота. Что с того, что эту пехоту доставят к месту «боев» на ракете? Пехота, она пехота и есть, тем более что, в отличие от астронавтов, у наших покорителей Вселенной еще не имеется «лунного багги». Чем-то в этом роде мог бы послужить «Луноход-3» – предусмотрено в нем специальное место для водителя и дополнительный пульт управления. Однако, по докладам ГРУ, перспективный американский «багги» обязан развивать до тринадцати километров в час – недостижимая для «Ходоков» скорость. И тем не менее пусть мы даже отстали от Америки в кое-чем, значит ли это, что мы должны уступить в решительности? Может ли строй, направленный в будущее, пасовать перед теми, чья революция уже скрыта веками?

Ничуть не бывало. Но на всякий случай мы не будем афишировать запуск, как это наверняка сделают янки. Мы проведем все секретно. Сейчас престиж побоку, а там видно будет. Естественно, все это только в том случае, если высшее

руководство даст окончательное добро. Мстислав Всеволодович Келдыш, руководитель советской космической программы и президент Академии наук, готовился к очередной встрече с Генеральным секретарем ЦК.

Глава 16

Первая победа

– Ну что, Мстислав Всеволодович, переживаете? – Каменное лицо Генерального секретаря выражало полное безразличие, только огромные брови шевелились, живя своей жизнью.

Академик Келдыш почувствовал, что волнуется, как в студенческие годы на экзамене. В действительности ставки были гораздо выше, чем тогда. За непродуманное решение можно поплатиться лишением должности и всех связанных с нею привилегий. Но, разумеется, дважды Герой Социалистического Труда волновался не за это. Давно ставшие атрибутами жизни дачи и персональные «Волги» его мало волновали. Главным было дело, которому он посвятил жизнь. И именно здесь, в долгосрочной программе освоения космоса, как бы сводились в зримое материальное воплощение достижения всех других направлений науки. Успех здесь с лихвой оправдывал все затраты. Он прибавлял козырей во время принятия бюджета, причем не только в космические отрасли. Стоило намекнуть, что та или иная разработка косвенным образом коснется освоения пространства, как деньги тут же находились. Даже при внезапных эксцессах, когда в ту или иную область познания срочно требовались дополнительные вложения. Пожалуй, именно за счет космонавтики

преуспевала в настоящее время астрономия. Тут происходило то же самое, что и с физикой элементарных частиц. Всякому было понятно, что в Центральном Комитете вряд ли кто-то серьезно интересовался кварками, однако на исследованиях этих направлений настаивали те же самые люди, что разрабатывали водородные боеголовки и термоядерные реакторы. Как можно было их заподозрить в пустопорожном транжирстве народного достояния?

И потому стремление к атомному паритету способствовало возведению в окрестностях Москвы новых синхрофазотронов, не виданных в более богатых странах размеров, а очередные витки «Союзов» в околоземном пространстве позволили обосноваться в горах Кавказа самым мощным в мире телескопам. И ни то, ни другое не было блефом, подобным китайскому рекорду в выплавке чугуна.

И именно исходя из совокупности этих причин, из-за фокусировки почти всей остальной науки на космонавтике и волновался академик Келдыш. Роскошные дачи и очередные ордена Ленина были тут действительно ни при чем.

– Не волнуйтесь так, Мстислав Всеволодович, – участливо сказал ему Брежнев, потрепав по плечу. – Мы тут с товарищами все обсудили и решили, что предложенная вами кандидатура весьма и весьма приемлема. Тем более... Разве у вас есть другие варианты?

– Варианты есть всегда, Леонид Ильич. Мало ли что может случиться? Нельзя заикливаться на единственном. Ра-

зумеется, у нас имеются дублеры.

– Пусть они, наверное, и останутся пока дублерами, Мстислав Всеволодович, – глава самой мощной в мире партии сел и возложил на стол свои огромные ладони. – Мы с товарищами из ЦК взвесили высказанные вами аргументы. Все действительно так. Даже товарищ Андропов счел это весьма остроумным решением. Ведь и в том, и другом случае – в смысле и при хорошем и при плохом, то есть нежелательном исходе экспедиции – если истинная правда просочится наружу, ей никто не поверит. Она покажется из ряда вон выходящей нелепостью.

– Совершенно верно, Леонид Ильич.

– Вот и мы с товарищами так думаем.

И тогда президент Академии наук СССР и Герой Социалистического Труда Келдыш перевел дух. Он добился победы здесь, в кремлевских эмпиреях. Теперь те, кого он выбрал, должны были повторить его подвиг и обеспечить успех там. Разумеется, здесь против руководителя космической программы были только люди, а там – безразличная к победам и поражениям природа. Точнее, будем надеяться, только природа. Та самая, от которой мы не должны ждать абсолютно никаких милостей.

Часть II

Люди

– Ничего не выйдет. В конце концов, путешествие в космическое пространство не более опасно, чем какая-нибудь полярная экспедиция. Отправляют же людей к полюсу!

– Только не дельцы. Кроме того, им хорошо платят за полярные экспедиции. И если там случится несчастье, им посылают помощь. А тут!.. Лететь неизвестно куда и неизвестно ради чего...

– Хотя бы ради разведки космоса.
Герберт Уэллс «Первые люди на Луне»

Но если вы будете расторопны, расставшись с тем еще первым непримиримым вагоновожатым, если вы сразу шагнете прочь от выбеленной прожектором полости... Конечно, надо будет иметь редкостно волшебное везение, дабы уже упомянутые размазанные в тених мундиры прощелкали столь подозрительную прыть. Но все же если... Не пытайтесь упростить задачу, вскочив в расставленную далее сеть из призывно манящих огоньков такси. Это блески, подсекающие наивных. Теплая мягкость музыкального нутра старенькой легковушки усыпит вас коконом безопасности и быстренько – дважды моргнуть глазом спросонья – домчит

вас к суровой молоджавости невыспавшихся лиц каптэпэшников: конечно, у вас не окажется пропуска. И снова пространственно-временная полость захлопнется за спиной, а в вашем кошельке поубавится бумажек из-за всяческих штрафов и подмазываний мундиров. Этот прогоревший план можете выбросить из головы сразу и просто оставить все как есть, дабы мелкие неприятности не переросли в большие. Где-нибудь в другой точке мира, в проколоте навылет по диаметру шаре Земли, в некоем Сальвадоре, того, что вы сделали, уже стало бы достаточно для выстрела в затылок. Однако игольное ушко соприкосновения измерений хранится без всякой напускной жестокости, поэтому шанс все-таки есть.

И, значит...

Собственная машина? Повернув с трассы, она в мгновение ока обратится предательницей и примчит вас к незнакомому, но столь похожему на бесчисленные копии контрольно-пропускному пункту. И все изложенное выше повторится.

Можно попробовать кюветы. Однако они слишком круты, и даже если спуститесь, потревоженная пылевая взвесь скроет окрестности, заставит жечь фары, на полукилометровой дистанции забьет напрочь воздушный фильтр, а главное – выдаст вас столбом подскочившего кверху рыжего марева. И андроиды-гоблины возьмут ваш след.

Лучшие всего, конечно, способный к бездорожью, везде-ходный джип. Тем не менее Вселенная устроена хитро: те, у кого он уже имеется, не слишком интересуются пространственно-временными континуумами – им более весело в этом, внушающем вам беспокойство мире. Нанять? Хм... Если у вас есть такие деньги, вы скорее всего относитесь к указанному множеству, точнее, немножеству. Допустимо, что случаются казусы, но мы сейчас не о них.

И тогда...

Да, вот именно, придется пешком. Сразу предупреждаем, дабы избежать обморожений и худшего, сезон зимы отбросьте. Не стоит верить глобусу, череде параллелей, отгораживающих север: фокус самого большого материка – это все же кое-что. Резко континентальный климат, температурные перепады... Нет, не нужно тянуть с собой сенбернара-спасателя – в снегу вы не утонете: такого добра здесь мало по причине все того же резко континентального. Но... Минус двадцать с ветерком... Двигаетесь в наклоне, стремясь держать параллель с ветром. Даже если идти долго, цель ведь была не в том. Да и вообще, не забывайте, эта с географической точки зрения ровная поверхность тянется больше чем на тысячу км. Не дай Бог заблудиться. И ведь, наверное, случается?

Итак, теплое время. Летом? Можно попробовать. Только обязательно (лучше написать на лбу) снова вспомним о резко континентальном. Главное, в амуниции должно быть

достаточно фляжек с водой. Не надо сладкой пепси-фанта-колы – она хороша для пляжей, у моря, с шезлонгами и с зонтиками. Обычная H₂O. Еще, несмотря на носимые с собой Ниагары, не стоит рисковать: голова под кепкой, темные очки на глаза, рубаха с рукавами и вовсе не шортики вдоль ног. Жарко? Лучше так, чем ожоги на теле. Помните о бедуинах, замотанных в тряпки по уши! За ними – опыт поколений, в том числе и генетический. Правда, в случае встречи с гоблинами-орками вам придется изобретать причину переполнения рюкзака фляжками. Но в общем-то ничего предосудительного нет: любите водичку, и все тут. Разумеется, в процессе проведения экспертизы жидкость выльют на асфальт, но емкости – не переживайте понапрасну – вернут. Конечно, мысль о походе придется оставить.

А вот в плане...

Глава 1

Звезды

Это были еще не сегодняшние времена всезнания через привычку. В той, укатившей в тартарары эре космические путешествия еще не набили оскомину не только сами по себе, но и через свое саморекламирование и самодублирование в кинематографической белиберде. И все-таки большая часть восхищенно смотрящих в голубые экраны людей рисовала в голове вовсе не реалистические картины. И вряд ли они пришли из скаредно издаваемой фантастики. Скорее, та сама почерпнула их из привычной обыденности. Да еще и умело искажающее истину решето секретности, и черно-белая мерцающая расплывчатость в этом самом экране, и микрофонный треск, глотающий и без того рубленые стандартные фразы переговоров с Землей. В общем, все это вместе порождало в головах чудесные картины того, как герои космоса крутят штурвалы и кладут растопыренные крылья солнечных батарей набок, уклоняясь от бродячих, визуально различных астероидов. Как космические асы наращивают скорость и тормозят, дергая рукоятками управления вправо-влево. И таранятся навывлет всяческие кометно-газовые хвосты, и шьются узлами невысказанно хитрые орбитальные спирали. Разумеется, имелось достаточно много, десятикратно более, чем сейчас, приближенно ведающих, что и

как на самом деле. Но какое-то их число держало рот на замке из-за служебных ограничений, а остальные варились в кругу таких же продвинутых, или, как тогда говорили, — увлеченных. Но в принципе, несмотря на догадки и уже проглядываемую суть, даже пилоты-истребители представляли себе полеты на ракетах чем-то гораздо более ярким и захватывающим, чем их собственное занятие.

А в действительности? Те из отряда космонавтов, что выпрыгнули сюда из узости кресел «МиГ-15» и «МиГ-17», а особенно те, кто еще не наблюдал себя в телевизоре, а прятался за маской безымянного героя, с некоторой тоской вспоминали свою былую удаль и послушность подчиненной до гроба машины. Здесь они сами становились живыми винтиками многослойных капсул, берегущих каждую каплю втиснутого в нутро топлива. Ну что ж, они по доброй воле стали подопытными кроликами. Куда теперь было деваться? Тем паче что все ближние и дальние глотают завистливые слюни. Если бы только можно было открыть им глаза на грядущую судьбу. Они ведь получали возможность браво и заученно вещать прямо с той стороны голубого черно-белого экрана и даже иногда демонстрировать нечеткую неузнаваемость своих собственных лиц. По большому счету, это гораздо круче, чем никому не ведомые пируэты «МиГов», даже над вьетнамскими джунглями.

И, значит, сияющее марево мерцающих из грядущего Золотых Звезд Героя позволяло им не упускать ниточку созна-

ния чуть дольше, когда центрифужные циклопы с размаху кидали их в юпитерианское тяготение, и как следствие, реально помогало им когда-нибудь увидеть настоящие, не закрытые тысячами километров воздуха звезды. А каждый в отряде хотел добраться и до тех, и до других.

Глава 2

Плановые испытания

– Генеральный секретарь в настоящий момент убыл с дружественным визитом в Германскую Демократическую Республику. О чем вы, в принципе, и так знаете, – сообщил маршал Советского Союза Гречко. – Однако, Мстислав Всеволодович, я немного в курсе дела. И, исходя из этого, предполагаю, что те вопросы, которые вы хотели бы обсудить, в самой большой мере касаются моего ведомства. Я прав?

– Вам не откажешь в прозорливости, Андрей Антонович, – кивнул президент Академии наук СССР.

– Ну, тогда разрешите мне заняться предсказанием далее, – маршал попытался состроить на лице подобие улыбки. – Поскольку ваши сотрудники не успевают осуществить все приготовления к полету вовремя, то...

– Все идет с перевыполнением плана, товарищ маршал, – твердо вставил руководитель космической программы.

– Ну, сейчас нам не до планов. У нас, точнее у вас, аврал, – лицо министра обороны все еще не приобрело обычную суровость.

– Понятное дело, Андрей Антонович. Но мы все равно не можем делать работу тяп-ляп. И обстоятельства обусловлены даже не повышенным риском для людей, хотя и этим тоже. Вы представляете, какие чудовищные средства и сколько

человеколет стоят сейчас на карте?

– Еще бы мне не представлять, Мстислав Всеволодович. Уж я, в силу должности, четвертый год принимаю участие в обсуждении бюджета. В том числе и ваших трат.

– Во-первых, товарищ маршал Советского Союза, все, что мы просим, идет на дело. Причем не только для престижа страны. А во-вторых, нам еще никогда не давали все, что испрашиваем.

– Еще бы, товарищ президент, – хмыкнул Гречко. – У вас, точнее у подвластного вам ведомства, аппетиты! Если вам сегодня дать на освоение Марса (не знаю уж, где взять эти деньги, кому недодать?)... вы на этом не успокоитесь. Тут же попросите на полет к Венере. А если дадут и это, то обосную необходимость полета к... ну, к этой... ближайшей звезде.

– Проксима Центавра, – помог руководитель космической программы.

– Разве?

– Тогда, наверное, имелась в виду Альфа Центавра?

– Вот-вот, – кивнул маршал.

– Думаю, туда мы добраться покуда неспособны.

– А если бы были денежки? – прищурился министр обороны. – Вот появились бы ниоткуда?

– Если бы кабы, – пожал плечами Келдыш. – Естественно, не отказались бы и термоядерный звездолет построить. Ведь интересно все-таки. Но ведь и ваше ведомство в таких обстоятельствах много бы от чего не отказалось.

– Ладно, – сложил руки на столе Гречко. – О чем мы вообще-то собачимся, Мстислав Всеволодович? О какой-то фантастике? Вот достанете с Луны эту штуковину – будут вам и звезды с неба. Ведь сами предполагали, что это может быть физически допустимый аналог вечного двигателя. Давайте-ка о текущих делах.

– Правильно, Андрей Антонович. Время работает не только на нас, – академик тронул виски: он почти не спал уже несколько ночей подряд. – В общем, товарищ маршал Советского Союза, это действительно больше по вашей части. Похоже – да даже не похоже, а так и есть, – американцы нас опережают. Вы уж, как понимаю, в курсе. У них на мысе стоит готовый «Аполлон». Думаю, вы знаете, куда он направится. Наши луноходы дадут ему великолепную привязку. Мы должны что-то делать.

– Конечно, должны, – крупное лицо маршала Гречко снова окаменело. – Однако, как бы вы ни просили, я не смогу задействовать наземные средства перехвата, размещенные в Казахстане, а уж тем более под Москвой.

– Понятное дело. Вообще-то и смысла нет. Их корабли взлетают под таким углом к экватору, что не попадают в зону поражения наших ракет.

– Тогда тем паче, Мстислав Всеволодович. В чем же ваш вопрос?

– Андрей Антонович, вы являетесь первым заместителем главнокомандующего в случае войны, правильно.

– О чем речь? – насторожился маршал Советского Союза.

– От вашего решения зависит будущее страны. Вам придется дать разрешение на применение оружия космического базирования.

Министр обороны сцепил руки в замок и посмотрел на президента Академии наук в упор.

– Извините, Мстислав Всеволодович, – произнес он через некоторое время. – А разве на земных орбитах уже имеется такое оружие?

– Дайте разрешение, товарищ маршал, и оно там будет, – уверенно сказал академик. – Можно сказать, это будут плановые боевые испытания по линии вашего министерства.

Маршал Гречко поднес руку к голове. Теперь пришла его очередь массировать виски.

Глава 3

Перелом

Это случилось на переломе. Однако тогда никто не мог догадываться ни о нем, ни о самой возможности такового. Поступательное движение расхолаживает. Привычка к нечеловеческому усилию постоянного движения вперед вводит производящего работу в странное состояние, когда ему кажется, что это не он сам толкает телегу, а некие внешние мистические силы озаряют его путь. И тогда он может впасть в легкую шизофрению, при которой пространственные измерения для него перестают иметь значение или путаются, переплетаются в узел. Тяжело, с потом и кровью перемещаемая на загибающуюся в бесконечность гору телега начинает казаться легко катящейся под уклон. Измотанное перенапряжением сознание добровольно обманывается. «Ну, вот сейчас, – гипнотизирует оно себя, – сейчас перейдем вот тот булыжник, и все пойдет как по маслу». И в какой-то мере надежда на чудо действительно вытягивает его из в общем-то безразличной Вселенной. И тогда человек окончательно впадает в транс и бесповоротно рвет путы реальности. Это не просто смертельно опасно – с очень удаленной во времени и удобной точки наблюдения это выглядит пижонством. Конечно, разбухший чирей может считать себя Эверестом, но нужно понимать, что еще до того, когда он вспухнет хотя

бы до размеров кулака, гной прорвет его нутро. Естественно, даже в этом всплеске его излияния не сравнятся по масштабу с лавовым выбросом Кракатау.

Однако транс есть транс. В такой момент можно обводить вокруг пальца и завораживать не только себя, но и окружающих. Они тоже начинают принимать ваши усилия, пыжиться за уже несущийся в голубизну воздушный шар. И тогда, видя столь явное признание за реальность еще не свершившееся действие, опоры объективности окончательно подламываются и песочный замок висает в воздухе на растяжке секунд. Это опасный период слабоумия. В этот момент дуэльная перчатка может хлестнуть по лицу не просто превосходящего противника, но и целую коалицию. И тогда вам точно не выстоять, ибо дополнительно к навалившейся на плечо телеге без руля, без ветрил и с квадратными колесами вам начнут делать подсечки и поливать под ноги быстро обращающееся в лед месиво, и ступни ваши заскользят, и одновременно квадратные колеса впереди напрягутся, желая обязательно и бесповоротно опуститься на ребро. А вы, все еще не вышедши из наведенной галлюцинации, будете держать руки в стороны, продолжая видеть на них перья и перепонки. Возможно, вы станете ими махать, однако, хоть вы еще и не взлетели, падение в штопоре гарантировано.

Глава 4

«Салют»

На орбитах вершились плановые и внеплановые чудеса. У американцев, имеющих большее, чем у русских, число постов космического наблюдения, от удивления отвисали челюсти. И ведь это, учитывая незнание ими подробностей. Но откуда им было разобраться досконально? Уже десять лет, с самого падения «У-2» со свердловского неба, над Союзом опасались летать самолеты-шпионы. Ну а имеющиеся на службе разведывательного сообщества агенты ни за какие коврижки не желали проникать в окрестности Кзыл-Орды, в закрытый город Ленинск, известный в народе под прозвищем Байконур. (Скорее всего, они опасались не климата: многие из них ранее прошли стажировку во Вьетнаме.) Так что основным средством наблюдения американцев значились радиолокационные станции и большие вычислительные машины для расчета орбит. С помощью этих хитрых приспособлений, разумеется, получалось кое-что выявить, но ведь, понятное дело, — не все.

А Советский Союз, точнее, люди, занятые его космической программой, били собственные, ну и, само собой, мировые рекорды.

Мощный ракетоноситель «Протон-К» вывел за атмосферу девятнадцатитонную станцию «Салют». Этот гигант успел

совершить на орбите только один оборот, когда к нему с ходу подрулил запущенный с того же Байконура семитонный космический корабль «Союз-10». Наверное, в нормальном режиме стыковка производилась бы долго. Ведь это являлось первым в мире соединением с предположительно долговременной космической станцией. Однако сейчас некогда было приноравливаться и в течение трех-четырех оборотов смотреть на «Салют» извне. К тому же страна, первой в мире научившаяся нанизывать корабли один на один, отработала все досконально. Естественно, в экипаж были подобраны опытниейшие космонавты. Двое из трех в январе 1969-го участвовали в создании на орбите первой экспериментальной станции, составленной из «Союза-4» и «Союза-5». Это были бывший военный летчик и командир корабля Владимир Шаталов и официально гражданский специалист Алексей Елисеев. Оба они совершали третий полет в космос – достаточно редкое явление для космонавтики, причем не только советской. Помимо этого, этот экипаж был спаян не только совместными тренировками на Земле, но и прошел «притирку» на орбите. Два года тому они составили две трети посадочного экипажа «Союза-4», а затем разом летали в «Союзе-8». Сейчас, кроме них, на борту «Союза-10» имелся еще один «гражданский специалист» – Николай Рукавишников.

В действительности многое из того, что в официальных сводках выглядело железной поступью мирного освоения космоса, на самом деле имело другую окраску. Напри-

мер, Николай Николаевич Рукавишников являлся специально подготовленным инженером по советским космическим станциям военного назначения. Впрочем, так же, как и Шаталов с Елисеевым. Сама же станция «Салют» была недо введенной в полную кондицию боевой космической базой «Алмаз», разработки генерального конструктора Владимира Николаевича Челомея. Если бы не экстренные обстоятельства, ее запуск состоялся бы не ранее следующего года. Ведь кое-какие системы этой невиданной боевой машины, набравшей после стыковки массу в двадцать шесть тонн, не успели пройти предполетные испытания. Например, супер-современная фазированная решетка для радиолокационного обзора раскинутой внизу Земли имела заниженную по сравнению с планом мощность. Ну что ж, нынче боевую станцию запустили не для перспективного шпионажа, а для войны в космосе. И к этому несостоявшийся «Алмаз» подготовился на славу. К примеру, в его передней части располагалось безоткатное орудие с патронташем в две тысячи патронов.

Кроме того, там же размещались четыре боевые ракеты. Где-нибудь у поверхности планеты дальность их полета оказалась бы крайне небольшой – каких-то пять-семь километров. Но сейчас вокруг раскинулся безбрежный простор. Располагая «дармовой» орбитальной скоростью уже сейчас, только за счет первой ступени пороховых ускорителей они могли набрать вторую космическую, то есть, по большому счету, достичь любого уголка звездной системы Солнца. Раз-

ве это была не прелесть?

Глава 5

Пертурбации

Запуск с мыса Канаверал и с Байконура, несмотря на внешне сходную атрибутику, – вещи несколько разные. И речь не только в экономии топлива: каждому понятно: двадцатиградусный сдвиг по широте – это не шутка. В счет осевого вращения Земли можно прикарманить не килограммы – десятки тонн топлива только в первой ступени. Так вот, речь сейчас не об этом. Речь о том, что орбитальные корабли Америки и России запускаются под разными углами к экватору. Что это означает? В общем-то – ничего. Обороты вокруг Земли, и те и другие, могут навинчиваться с одинаковой эффективностью. Сложность появляется только в одном случае – если им по каким-то причинам следует сойтись в одном орбитальном ракурсе.

В настоящий момент, в отличие от будущего далека «Союза-Аполлона» семьдесят пятого года, пассивную роль играли американцы. Хуже того, они вообще не подвязывались играть какую-либо роль и, по большому счету, не планировали никаких орбитальных перемещений для схождения с русскими. А вот сарделичная сцепка «Салют-Союз» такое вполне планировала. Нельзя сказать, что янки в этом случае оставались совсем уж неповоротливо тупы. Большинство работников умственного труда мыса Канаверал превосходно

соображали в своем деле. Некоторые из них даже настояли на произведении расчета возможного маневра русских в отношении вот-вот готового сорваться со стапелей «Аполлона-13».

Большие вычислительные машины перекачали в энтропию сколько-то там киловатт и осуществили этот самый расчет. Да, теоретически маневр очередного российского чуда был очень даже возможен. Ведь по какому еще поводу, кроме американского запуска, русские так торопились? С другой стороны, в связи с их активностью по поводу Луны можно было предположить все, что угодно. Вдруг этот мифически предполагаемый артефакт Советы решили для начала исследовать вне Земли? Почему бы действительно не разложить столь неясную и вероятно опасную штуковину на молекулы где-нибудь на орбите? Большой объем помещения долгосрочной станции – что может быть удобнее для спектрографических и прочих исследований? Вдруг эта вещь просто-напросто опасна? Что-нибудь приравненное к термоядерной бомбе, а то и еще похлестче? Не лучше ли, чтобы взрыв случился где-то на высоте километров триста, а не в каком-нибудь НИИ посреди или даже на окраине мегаполиса?

А вот для маневра с перпендикуляром орбит требовалась огромная масса топлива. Исходя из апогее-перигейных соотношений, приблизительный вес, а также размеры парящей в космосе штуковины уже высчитали. Зная эффективность

русских ракетных двигателей, нетрудно рассчитать все. Горючего требовалось действительно много. И ведь, помимо того, нужно осуществить переход не плавным маневром, путем многократных включений и с использованием всяческих гравитационных фокусов. Надо сделать все в один заход, ибо три астронавта уже потели в своих скафандрах на самом кончике гигантской башни «Сатурн-5 – Аполлон».

Помимо этого, даже небывалое смещение оси орбиты не давало русским ровным счетом ничего. Ведь «Аполлон-13» не собирался навинчивать круги около Земли. По программе полета, он должен набрать вторую космическую скорость еще до завершения первого орбитального витка. Конечно, вакуум вещь пустотелая и пронизывать ее можно и так и эдак, однако трудно ожидать, что русский гигант, помимо прочего, еще и способен разомкнуть свою земную окружность и уйти к Луне.

Отдельный вопрос, тесно смыкающийся с этим, был в том, что предпримут русские, если вдруг каким-то своим макаром сумеют развинтить все перечисленные противоречия? Ну что они смогут сделать? Взять «Аполлон» на абордаж? Вообще-то в войне с Гитлером они намеренно использовали такую штуку, как таран. Но неужели они сейчас дойдут до такого? Хотя, в принципе, почему нет? Им ведь временами сам черт не брат. Потом извинятся и скажут, что произошла досадная оплошность.

Но вообще-то все эти напасти были слишком надуманны-

ми, не каждый инженер, а уж тем более чиновник, осмелится такое высказать. Ведь не стоит портить себе карьеру и отношения с коллегами из-за пустопорожних страхов.

В общем, никто не решился сорвать планируемый запуск пятого из отсылаемых к Луне «Аполлонов», или третьего из тех, что собирались на нее сесть. Кроме того, внутри самой командной структуры американской космонавтики появились свои специфические проблемы.

Глава 6

НАСА

– Господин президент, у нас появилась новая сложность, – заявил министр обороны США.

– Что, русские запустили на орбиту еще что-нибудь? – насторожился Ричард Никсон.

– Бог миловал, господин президент. Данная проблема чисто наша, внутренняя.

– И срочная?

– Думаю, весьма, господин президент. Поскольку от нее будут во многом зависеть наши дальнейшие планы.

– Я весь внимание, господин Лэйрд.

– У меня, да и у всего комитета начальников штабов, никак не налаживается работа с директором НАСА.

– Что там не слава богу? – спросил Никсон, на самом деле уже догадываясь, о чем пойдет речь.

– Мистер Бикле начал изображать из себя «голубя мира». Понимаете, он, видите ли, не желает использовать космос в военных целях.

– То есть?

– Я ему объясняю, что такое происходило всегда. Спутники разведки и тэдэ. А он мне: «Но ведь это были не прямые военные действия в космосе?» Но ведь у нас целая очередь космических программ, на семьдесят процентов они все во-

енные. Он что, только вчера проснулся?

– Не нервничайте, Лэйрд. Давайте спокойно что-то решать.

– Господин президент, этот старик просто спятил. Если бы сейчас на дворе стояли времена Эйзенхауэра, его бы привлекли за сотрудничество с «красными».

– Успокойтесь, господин Лэйрд, – брезгливо повторил Никсон. – Успокойтесь. Да, наш дедушка, видимо, действительно засиделся в кресле. Сколько он уж руководит ведомством?

– С пятьдесят девятого года, господин президент.

– Да?! – переспросил Никсон, в общем-то и так знавший точные цифры. – Засиделся, засиделся дедушка Паул. А скажите, господин министр, у вас имеется кто-нибудь на примете?

– Да, господин президент. Если вы не против, пусть это будет мистер Бедер.

– Де Е. Бедер?

– Так точно, господин президент.

– Но ведь он же «ястреб» в чистом виде? – прищурился Ричард Никсон.

– Да уж точно не «голубь», – расплылся в улыбке министр обороны. – Но ведь нам такой сегодня и требуется, правда?

– Помнится, он был за вывод в космос «дежурных орбитальных бомб», правильно?

– Эта идея устарела, господин президент. Вы ведь в кур-

се, – отмахнулся министр обороны.

– Но, кроме того, – Никсон понизил голос, – мне кажется, у него не хватит терпения и ума заведовать столь сложным ведомством, как Агентство по авионавтике. Вы так не думаете?

– Мое мнение таково, господин президент. Паул Бикле уже стар – его все равно нужно менять. Для текущего дела нам более чем подходит Де Бедер. Пусть бы покуда и поруководил НАСА. А там, когда обскачем русских, можно будет подобрать на должность кого-нибудь поумнее. Как вы смотрите на такой расклад?

– В вашей железной логике есть рациональное зерно, – кивнул Никсон хмуро. – Явно есть. К тому же время торопит. Де Бедер случайно не в Вашингтоне?

– Тут, тут, господин президент.

– Вот и славно. Надо бы с ним предварительно потолковать. Важно, чтобы он после назначения не ляпнул пресе что-нибудь про ускоренную милитаризацию космоса или про свои «орбитальные бомбы», – президент США задумался. – В общем, этот вопрос вполне решаем. Конгресс нам в этом деле не нужен, так что можно повернуть быстро и, главное – законно. Никакой компромат собирать не требуется. Ни ЦРУ, ни ФБР в данном случае не пригодятся. Дедушку Паула можно тихонько списать по здоровью, Бедера сунуть временно, разумеется, пообещав ему, что навечно, в общем... Я займусь.

Глава 7

«Аполлон»

«Аполлон-13» вообще-то собирался на Луну. По этой причине у него не имелось лишнего топлива для каких-либо дополнительных маневров, мало ли сколько граммов может не хватить там, в четырехстах тысячах километров. Кроме того, он действовал по загодя рассчитанной программе. В данный момент не имеют значения дальнеперспективные цели полета. Понятно, что задача астронавтов Ловела, Свайгерта и Хейза – пристроиться на орбиту Луны, а затем осуществить посадку лунного модуля в заветном кратере Лемонье, по возможности ближе к его центру. Дальше следовало действовать по обстановке, в зависимости от того, что откопали русские луноходы. Однако сейчас намного важнее было другое. Несмотря на то, что Штаты располагали развитой сетью мощных локаторов, они не могли обозревать все и вся. Существовало несколько закрытых зон, в которых вполне можно было поддерживать со своими спутниками и космическими кораблями связь, но не получалось наблюдать их радиолокационными методами. Советская военная разведка являлась одной из самых эффективных в мире, а поэтому маневр, примененный станцией «Салют» именно в такой «теновой» зоне, однозначно являлся продуманной акцией.

Проблема с топливом, которая для штатовских инжене-

ров казалась весьма и весьма сложной, решалась вообще-то просто. И, кстати, именно за счет недоработки «Алмаза». Вместо недогруженного на борт оборудования в него удалось поместить добавочные баки. Их, может быть, и не хватало послать 25-тонную штукину на Луну, но для осуществления межорбитальных маневров этого оказывалось вполне достаточно. Для такого пируэта «Салют» вначале снизился, уменьшая перигей до возможного минимума, лишь бы не чиркать по уплотненному воздуху, а затем там же, в перигее, ускорился. Кроме того, он, разумеется, изменил вектор движения, поворачивая орбиту более чем на сорок градусов. Очень дорогостоящий в плане топлива маневр: он поглотил почти весь запас припасенной «контрабанды».

Зато после выхода связки «Салюта» и «Союза» из «тени» американские дальнобойные локаторы вели поиск целых десять с половиной минут. Наконец они разыскали русскую машину в совершенно неожиданном секторе неба. Если бы советская станция не делала коррекцию, то есть не производила ракетные выхлопы, поиск мог бы продолжаться еще дольше. Однако выхлопы давали засветку в оптическом диапазоне. Когда наблюдатели радиолокационных постов в Австралии наконец нашли «Салют», им потребовалось некоторое время на перерасчеты. В конце концов, когда данные наконец поступили в Хьюстон, стало уже несколько поздно.

Вообще-то время было. Судя по вычислениям, «Салют» и «Аполлон» обязались, во славу Кеплера, сблизиться почти в

ста тысячах километров от Земли. По предварительным расчетам, минимальное расстояние между ними должно составить около двухсот километров. Чем это могло грозить? В сущности, ничем. Даже если «Салют» тянет на себе термоядерную боеголовку в десять мегатонн – то на такой дистанции она абсолютно безопасна. Однако кто мог исключить новую орбитальную коррекцию? Один раз русские уже показали, на что способны.

Тем не менее сделать что-нибудь сейчас уже не представлялось возможным. И дело даже не в дефиците горючего на «Аполлоне». Просто в настоящее время он уже разделился на два независимых объекта. Ведь, следуя отработанной схеме, астронавты должны были произвести перестыковку узлов корабля. Это считалось одним из самых опасных моментов полета. Им необходимо отцепиться от лунного модуля, следующего покуда прицепом, работая маневровыми двигателями развернуть основной корабль и произвести соединение с модулем по новой, только теперь уже передней частью – лоб в лоб. Эта операция, помимо всего прочего, требовала гигантского напряжения нервов. Ведь она была опасной. Неудача в стыковке могла просто-напросто привести астронавтов к гибели.

В центре управления полетом в Хьюстоне долго думали. В конце концов, грядущее сближение с русскими ожидалось уже после перестыковки. То есть в самый опасный момент «Салюта» рядом еще не будет. Неизвестно, что задумали

русские. Может быть, просто посмотреть на «Аполлон-13» сквозь бортовой телескоп – убедиться, что он действительно снаряжен для полета на естественный спутник, а не несет на себе какую-нибудь «орбитальную бомбу»? Так стоит ли из-за грядущей неизвестности будоражить и без того нервных, еще не совсем отошедших от взлета астронавтов, которые к тому же заняты сложной инженерной задачей? «Наверное, совсем не стоит», – решили в штате Канзас.

Откуда они могли ведать о грядущих перебоях со связью?

Глава 8

Траектории

– Жестокая штука космос, – констатировал командир корабля Владимир Шаталов. – А летают в нем до жути хлипкие вещицы.

Его напарник Алексей Елисеев промолчал. Он был занят сверкой осевого направления станции с фиксируемым локатором положением далекого американского «Аполлона». Впрочем, разглагольствующий командир тоже не бездельничал. Когда под вашей опекой находится двадцать шесть тонн железа и пластика, несущиеся со скоростью восемь километров в секунду, расслабляться не получается. А «гражданский специалист» Николай Рукавишников вообще находился на целых восемь метров в стороне – чудовищно непривычное расстояние для селечной сученности всей череды прошлых полетов. Кроме того, его загораживали размещенные прямо по центру шкафы с электронной аппаратурой. Естественно, на всех космонавтах были мягкие шлемы с наушниками и микрофонами, так что общаться они все равно могли. Но так уж повелось в армии, а теперь перенеслось в космос, что лишние философские сентенции во время боевой работы позволено изрекать командиру, и никому более. Возможно, цель такого мероприятия – политическая обработка и перетягивание ответственности на командное звено. Ну что ж,

очень правильно – руки исполнителей не должны дрожать.

– Как видим, «птичка» нас нагоняет? – продолжал комментари Владимир Александрович. – Большой красавец – он какой «лапоть»?

Все, разумеется, были в курсе. Поскольку «Аполлон-13» следовал к Луне, то разгонялся до второй космической. Идущий же по удлинённому эллипсу «Салют» имел в орбитальном фокусе Землю. Здесь, в апогее траектории, он следовал с минимальной скоростью, а потому, если бы попытался нагнать «американца», из этого ничего бы не получилось. И посему все было выверено так, что «янки» выводился в точку встречи самостоятельно. Хотел или не хотел этого экипаж «Аполлона», значения не имело. Здесь работали неумолимые уравнения физики и расчеты, произведенные в Центре управления полетами в Казахстане.

– Чешет с положительным ускорением, – фиксировал показание приборов Шаталов. Такие выводы он делал, исходя из двух независимых параметров. Первый – наглядный, но не самый точный, заключался в том, что факел двигателя «Аполлона» давал на радаре дополнительную засветку. А второй исходил из эффекта Доплера: частота излучения приближающихся предметов возрастает, удаляющихся – падает.

– Может, он совершает маневр? – все-таки нарушил командирское вето на рассуждения Алексей Елисеев. Он сам в это не верил, но для большего душевного комфорта было бы честно, если б у противника имелся шанс.

– Да нет, Алеша. Ничего-то он сделать не способен, – легко разбил надежды Герой Советского Союза Шаталов. – А даже если бы... Как думаете, Николай Николаевич, можно ли кораблю уклониться от наших «гостинцев»?

– Никоим образом, Владимир Александрович, – сказал закреплённый у губ микрофон «гражданский специалист» Рукавишников. Там, на его рабочем месте, все было уже приготовлено. В передней части «Алмаза», для маскировки прозванного «Салютом», можно сказать на носу корабля, уже прогрелись размещённые в вакууме контейнеры. В них и помещались боевые ракеты. Николай Николаевич совершенно не преувеличивал. Здесь, в условиях невесомости, твердо-топливные ускорители легко разгоняли эти небольшие предметы до трех с половиной километров в секунду. В безвоздушном пространстве не наличествует трение, так что ракеты могли двигаться за американцами хоть до самой Луны. Единственное ограничение заключалось в мощности локатора наведения, помещённого на «Салюте». Только по этой причине дальность поражения составляла приблизительно четыреста километров в максимуме. А кроме того, система «Салют-Союз» находилась в апогее: очень скоро она должна начать обратное движение к планете Земля. Тем не менее допуск в отношении пуска составлял более двадцати секунд. Гигантское время, учитывая скорости взаимодействующих кораблей.

Замкомандира Алексей Елисеев занимался коррекцией

положения станции. Ведь, несмотря на огромные скорости разгона ракет, а скорее именно учитывая это, их следовало запустить в строго выверенном направлении. Нет, не в перемещающийся по небесной сфере «Аполлон». С учетом его равноускоренного движения это бы неминуемо привело к промаху. И что бы тогда оставалось делать стрелкам, разместившимся в «Салюте»? Палить в невесомость из автоматической пушки? Ни один из снарядов двухтысячного арсенала не имел системы управления. С расстояния в четыреста километров вероятность продырять из нее «Аполлон» приравнивалась к возможности попасть в двухкопеечную монету с десятикилометровой дистанции.

Но не подумайте, что пушка являлась на борту балластом. Советские космические разработки во львиной доле были направлены в будущее. Будущее же, как известно, делилось на далекое и перспективное. Далекое с полной уверенностью представлялось цветущей поступью всемирного коммунизма, в котором объединенное человечество с курьерской точностью шлет звездные экспедиции к Малым и Большим Магеллановым облакам. Перспективное же обременялось фронтальным противодействием проискам всемирного капитала. Поскольку станции марки «Алмаз» обязались доминировать над планетой долго, они должны быть защищены от любой напасти. Поэтому пушка предназначалась для ближнего боя. Это была система обороны против возможных козней американских спутниковых мин, а также абордажных

походов команд многоразовых транспортных челноков грядущего. Поскольку советское космическое орудие, в отличие от лазерных чудес, еще не отснятых на пленку «Звездных войн», не имело подвижной турели, наведение его, так же как и ракет, осуществлялось посредством вращения всей космической станции. Это требовало наличия на борту значительного запаса топлива для коррекционных двигателей. Но ведь пока времена космоабордажей еще не наступили, зато советские конструкторы почти закончили разработку автоматического корабля снабжения «Прогресс», и перебои с топливом не планировались. Однако все эти дела относились к футурологии. В деле перехвата «Аполлона-13» на дальности четырехста километров бортовая артиллерия помочь не могла. Вся надежда возлагалась на ракеты и на первого космического «снайпера» Николая Рукавишникова.

К моменту совмещения точки траектории полета по орбите, углов тангажа и курса «Салюта», а также места нахождения «Аполлона» и его вектора движения на небесной сфере – все исходные предпосылки сложились. Дело осталось за малым – нажать кнопку инициации ракетных двигателей в любую из отведенных двадцати секунд. Это была очень простая задача для людей, прошедших ад сурдокамер и молохи центрифуг. В эту, разделенную на три минуты честный человек Владимир Шаталов успел поинтересоваться у друга и товарища Алексея Елисеева, а также у менее знакомого Николая Рукавишникова, не припомнят ли они, как звали со-

всем неизвестных им американских астронавтов.

– Джим Ловелл, Джек Свайгерт и Фред Хейз, – без запинки отчеканил Алексей Елисеев, обладающий почти феноменальной памятью.

«Вечная им память!» – хотел сказать командир «Салюта», но сдержался и закончил по-другому:

– Видит Бог, мы этого не хотели.

По существу, фраза не имела никакого отношения ни к одному из официальных вероисповеданий.

Глава 9

«Зонд»

Что толку описывать трое суток почти прямолинейной траектории к Луне? Точнее, есть ли смысл в изобретательстве велосипеда или тем паче в строгом копировании чужих чертежей? Читайте официальные отчеты астронавтов. Они не секретные. Да и любой устанет слушать бесконечную сводку: когда, где и в какое положение перевели один из тысячи имеющихся на борту тумблеров и переключателей. Разумеется, из-за неточностей некоторых из них ракета могла отклониться в сторону на сто-двести тысяч километров или же вообще взорваться. Однако советские покорители Селены были натасканы на тренажерах-имитаторах похлестче американских шимпанзе, с малолетства изучающих английский вариант языка глухонемых. Есть ли особый смысл описывать мысли-побуждения членов экипажа в период бодрствования, а тем более их сны? Ясное дело, что когда ты почти поднялся на Эверест цивилизационного порыва человечества и даже отдельной страны, тут уже не до сокрытия мотивов и не до личного интима. Так что аргумент о тайне индивидуальных переживаний не проходит. Однако все равно, стоит ли? Думаете, сны космонавтов сильно отличаются от снов прочих смертных? Как там будут петь в скором времени про космонавтов, о доме и зеленой траве? Воз-

можно, интересны наклонности натуры, ведущие к подвигу, но ведь это мы уже обсуждали.

И тогда остается общение, непосредственно не связанное с выполнением служебных обязанностей. Ведь все-таки, несмотря на некую универсальность подготовки разведчиков Вселенной, они обладают индивидуальностью. Что само собой понятно. Ведь даже если форма кресел подгоняется под фигуру, то что говорить о самом сложном в бесконечном космосе приборе – мозге? Кресло под него не рассчитывается с помощью сложнейших формул, но он сам несколько заостряется под некий стандарт. Однако индивидуальность – это индивидуальность. Никуда от нее не денешься. Так вот, если оставить в стороне легкий налет банальностей, присущий даже межличностному взаимодействию людей уникальных, остается кое-что, информационно значимое.

Наличествует официально беспилотный автоматический корабль «Зонд-9». Объявленная ТАСС задача-прикрытие – облет Луны и фотографирование ее оборотной стороны. Настоящее задание – посадка, загрузка и доставка объекта «Аномалия» на Землю.

В экипаже двое. Так что, даже если происходит монолог, задействуются все, пусть даже кто-то в качестве слушателя. Кроме того, интересно отследить отношение к делу, так сказать на философском уровне. Понятно, что у людей, занятых столь сложными и незаурядными задачами, побудительные мотивы не упираются в деньги, между прочим, даже у аст-

ронавтов капиталистических стран.

А вообще-то сами фамилии и имена-отчества говорят о многом. В том числе и об этих самых побудительных мотивах. Не верите? Удивляйтесь!

Командир корабля и первый пилот – Юрий Алексеевич Гагарин.

Бортинженер и второй пилот – Владислав Николаевич Волков.

Так что во всех отношениях имеет смысл навести камеру слежения на нужный момент и на нужное время.

Пробуем...

Глава 10

Тайна

Поскольку привлечение к делу специалистов-селенологов не дало никаких результатов, космодромное начальство было вынуждено еще более расширить вход в свой опечатанный теремок. Наличие Аномалии требовало привлечения к практическому изучению Луны астрофизиков-теоретиков, ранее не допущенных к тайнам реальной космонавтики. После многочасового просмотра фамилий и биографий академик Мстислав Всеволодович Келдыш, а также курирующий его деятельность председатель Комитета госбезопасности Юрий Владимирович Андропов отобрали две фигуры: члена-корреспондента Академии наук СССР Иосифа Самуиловича Шкловского и академика Якова Борисовича Зельдовича. Вначале, естественно, с них взяли достаточное количество расписок о неразглашении на сроки, с лихвой перекрывающие жизнь родившихся в этот день младенцев. Затем им поведали все и разрешили – более того, даже настояли на этом, – чтобы в своих предположениях они спокойно выходили за рамки современной науки. Если, конечно, такое потребуется. И эта широта допуска, разумеется, пригодилась. Куда было деваться?

В период ускоренной подготовки к запуску ни Гагарину, ни Волкову было некогда вникать в научные, а тем бо-

лее выходящие за эти пределы тонкости. Однако во время перелета к Луне они обязывались ознакомиться с записанными на засекреченную магнитофонную пленку выдержками из дискуссии светил астрофизики. Вот это они иногда и делали. Может быть, с физиологической точки зрения им более подходило бы поспать, однако на борту «Зонда» находились не какие-нибудь полудохлые солдаты-стройбатчики, которые где сели, там и погрузились в нирвану. Здесь находился срез верхней иерархической ступени генетической и интеллектуальной пирамиды русского этноса. Так что, прослушивая запись, они не спали не только потому, что это не положено, а еще и потому, что им было до ужаса интересно. Они считали, что им повезло, повезло так, как не везло никому из людей за все предыдущие века. Наверное, они были правы.

– И все-таки, Иосиф Самуилович, что это может быть? – запрашивал академик Зельдович своего младшего по научному званию коллегу.

– Мы ведь это уже обсуждали, Яков Борисович. Причем не один раз, – веселым молодым голосом отвечал член-корреспондент Академии наук СССР. – К тому же вас, как человека, давно допущенного к секретам закрытых институтских КБ и попривыкшего к тайнам, больше интересует практическая сторона дела. Ведь так? Сколько там киловатт-мегаватт или, быть может, килотонн?

– Ну, Иосиф Самуилович, – брюзжа защищался акаде-

мик, – вы уж нас тут, в «ящиках», считаете совсем уже роботами. Ничто человеческое нам не чуждо. И здесь люди интересуются, есть ли жизнь на Марсе, а не только разрабатывают ракеты для того, чтоб на этом самом Марсе зацвели яблони. К тому же, Иосиф Самуилович, я сам в этих секретах только от случая к случаю. А так, вообще, как и вы, больше чистой наукой.

– Яков Борисович, помнится раньше, в молодые годы, мы с вами несколько раз пересекались. Вы тогда были как-то проще, – подначивал Шкловский.

– Вы к чему клоните? – с подозрением спрашивал Зельдович.

– К тому, что академическое звание на вас сильно влияет. Уж не знаю, правда, в лучшую или худшую сторону.

– Так, Иосиф Самуилович, – внезапно повеселел академик и, наверное, улыбнулся (никто из слушателей не мог знать точно, ибо у них был не видео-, а обычный магнитофон марки «Грюндиг»). – Так, так. Вижу зависть к «генеральским погонам». Вот уж не думал. Оказывается, за вашей тягой к «чистым» знаниям и увлечениями тоже проглядывается присущее человеку от природы чувство!

– Ну, естественно, Яков Борисович. Какой солдат не носит в ранце маршалский жезл. Святая мечта любого заведующего лабораторией – подмять под себя весь институт, а лучше даже несколько, – Шкловский хохотнул. – Самое интересное, что этот самый заведующий думает впоследствии

использовать все доступные мощности в пользу именно проблем, поставленных перед его лабораторией сейчас.

– Это уж точно, Иосиф Самуилович. Неведомо ему, что, когда на плечи «повесят» НИИ, проблемы его родимой лаборатории завалятся грудой таких дел, что, дай бог, не придется забирать у коллег последние фонды.

– Правильно, Яков Борисович, – невидимо для слушателей кивал головой член-корреспондент Академии наук. – Именно поэтому меня все-таки не особо волнуют академические звезды.

– Неужели в науке водятся столь прозорливые молодые люди? – с наигранным удивлением говорил Зельдович. Оба засмеялись, ибо даже Шкловскому уже пропикало пятьдесят пять. – Но ладно, Иосиф Самуилович, я вообще хотел спросить не об этом. Страна посадила нас с вами здесь дискутировать, но ведь совсем не на тему здорового и нездорового карьеризма в науке, так? Не за это мы кормимся из распределителя Академии наук СССР.

– Хорошо, хорошо, Яков Борисович. Я на лопатках. В чем наш вопрос сейчас?

– Что нащупали луноходы в этом кратере? – чувствовалось по голосу, что академик Зельдович стал окончательно серьезен.

– Как мы можем судить при сегодняшнем недостатке данных, Яков Борисович? До получения Аномалии в руки, то есть до попадания ее под скальпель экспериментатора, все

наши предположения – пустые. Единственное, что мы знаем, – это то, что эта штукавина компактна и весьма агрессивна по отношению к технике. В том плане, что дурно на нее влияет.

– Ладно, Иосиф Самуилович, – перебил Зельдович. – Если еще конкретнее, то меня – и не только меня, разумеется, – интересует, какого происхождения эта Аномалия. Вы специалист по очень общим проблемам. Может ли Аномалия иметь отношение к разуму? То есть быть искусственным объектом?

– Как я уже сказал, сейчас, Яков Борисович, можно предполагать что душе угодно.

– Есть ли какие-то критерии, которые позволят надежно отличить искусственный объект от естественного?

– Даже если отбросить сомнения и предположить, что этот объект кем-то задуман и создан, таких критериев нет. В ближайшем окружении Солнца не обнаружено никаких намеков на технологические цивилизации. Вообще-то пока они не найдены и на больших расстояниях. Откуда здесь, ну в смысле на Луне, может появиться продукт чьей-то, превосходящей нашу технологии?

– Мне-то откуда знать, Иосиф Самуилович? – удивился академик Зельдович.

– Взяться ему неоткуда, – попытался подвести итог член-корреспондент.

– При чем здесь «неоткуда»? Он уже есть. Может, это что-

то сходное с нашими спутниками. Летел куда-то по своим делам и даже не собирался посещать эту окраину галактики. Отклонился от маршрута, попал на нашу Луну.

– Чистая фантастика, – невидимо для слушателей поморщился Шкловский. – Ну пусть так. Пойдем по этому пути. Пусть это случилось миллионы лет назад. Корабль разбился, может, он-то и вырыл кратер Лемонье. Продолжать в этом же духе, Яков Борисович?

– Да, почему бы нет. Смелее, Иосиф Самуилович.

– Хорошо, корабль взорвался. Однако энергетический источник уцелел. Его остатки сохранились до нашего времени. И, как я понимаю, вопрос стоит так: можем ли мы надежно отличить этот сохраненный фрагмент от природной субстанции?

– Верно. И?..

– Думаю, не сможем. Мы ведь не способны даже представить, каких вершин способна достичь развивающаяся технологическая цивилизация за тысячу лет. Тем более за несколько тысяч, и уж тем паче за миллионы.

– Почему не миллиарды?

– Еще лучше, Яков Борисович, – хмыкнул Шкловский. – Ну пусть все так. Тем более. Цивилизация, так далеко обогнавшая нас, по самым скромным критериям, способна на очень многое. Но если не брать на себя такое предположение, как достижение ими уровня, при котором они способны менять законы природы, то тогда они должны им следо-

вать. Так вот, какую-нибудь пирамиду Хеопса можно отличить от природного образования по внешнему виду. Однако если уйти в структуру, то...

– Что?

– Атомы и электроны пирамиды ничем не отличаются от природных, правильно? Хотя сейчас припомнилось... Как-то у Лема, в совершенно детской книжечке «Кибериада», я читал, что один робот-изобретатель ставил клеймо на каждом атоме, так что...

– Когда эта штукавина попадет к нам в руки – проверим, – почти серьезно предложил Зельдович.

– И, кстати, о пирамидах, – добавил член-корреспондент. – Конечно, мы считаем их искусственными объектами. Но вот что бы случилось, если бы они равномерно покрывали целый материк?

– Это вы к чему, Иосиф Самуилович?

– К тому, что искусственная звезда, думаю, будет не сильно отличаться от естественной. Если только тот, кто ее делал, не оставил об этом какую-нибудь метку. К примеру, добавил в нее искусственный элемент – допустим, технеций. Либо сделал еще что-нибудь в этом роде.

– Ну, слава богу, в нашем случае Аномалия единственная.

– Черные дыры, возможно, тоже редки. Но мы не сможем отличить искусственную – если, конечно, принципиально их можно создавать – от обыкновенной.

– Значит, Иосиф Самуилович, вы уверены, что касатель-

но Аномалии мы не сможем понять о ее происхождении ничего?

– Да, Яков Борисович, я в этом уверен. Исключение – если на ней оставлены специальные метки, нечто в виде послания. Но данное предположение сильно пахнет развлекательной литературой, о которой мы тут упоминали. Вы случайно, будучи в заграничных командировках, не смотрели новый нашумевший фильм «Космическая одиссея 2001 года»?

– Нет, я несколько лет «невыездной» – занят всякой технической всячиной. Но я о нем читал. Так что ведаю, о чем речь.

– Ну, тогда в завершение. Для нас – людей – не имеет никакого значения природа происхождения Аномалии. Естественно, если не брать во внимание чисто мировоззренческие вопросы. Произошла она из акта «творения» или как-то иначе, для нашей науки это все едино будет великолепный подарок. Мы сможем понять что-то новое об окружающем мире. Это для меня, пожалуй, самое главное.

– Руководство в первую очередь интересуется практическое применение.

– Любое новое знание со временем начинает использоваться в практике. Пусть даже косвенным образом. Так что с этой точки зрения наши верхи правы.

– Кроме того, дабы получить ее в руки, нам вообще желательно убедить их в этом, так?

– Тут мы себя выдали, Яков Борисович. Ведь наш разго-

вор записывается. Следовательно, высказанное предположение будет направлено против посылки экспедиции.

– Тем не менее как ученые и к тому же как коммунисты мы должны действовать по возможности честно.

И Владислав Николаевич Волков вместе с Юрием Алексеевичем Гагариным полностью соглашались с академиком. А еще они были благодарны своей великой стране за то, что она доверила им такие секреты и, более того, послала именно их двоих в этот апофеоз тайны.

Глава 11

Ракетный залп

«Аполлон-13» не являлся боевой машиной. Он был устройством для достижения Луны, а не механизмом для ведения космических войн. Поэтому у него не имелось бортовых локаторов, постоянно обзорающих окружающий космос. Так же точно ему нечем было фиксировать облучающие импульсы локатора наведения «Салюта». В корабле имелись иллюминаторы и перископное устройство. Однако астронавтам покуда было не до любования окружающей пустопорожностью пространства, так что в нужную секунду никто не смотрел вовне, а уж тем более в требуемом ракурсе. Ракета, летящая из двухсоткилометровой дали, не предназначалась для прямого попадания – времена стратегического высокоточного оружия еще не пришли. Она обязывалась сработать по сигналу посылаемого ею запроса. Как только отраженный от цели импульс укладывался по времени в заданный отрезок, боевая часть взрывалась.

Вследствие вышеозначенных причин взрыв ракеты в шестидесяти метрах от корабля никто из экипажа не наблюдал. Кроме того, поскольку межпланетная среда ничем не заполнена, то взрыв не породил привычного для землянина звука. Выброшенные порохом поражающие элементы разлетелись по округе в идеальной бесшумности. Надо сказать, что зо-

на поражения осколками в космосе теоретически не имеет предела. Ведь всяческие встречные или поперечные объекты перемещаются там с бешеными скоростями. Кроме того, там нет воздуха или другой среды, способной погасить инерцию.

Можно констатировать, что из-за абсолютно случайных флуктуаций полета ракеты «Аполлон-13» расположился по отношению к разлетающейся шрапнели удачно. Взрыв произошел со стороны служебного модуля, и четыре штыревых поражающих элемента воткнулись в него со скоростью тысячи метров в секунду. Вообще-то штырей было около сотни. Куда унеслись остальные – неизвестно, но однозначно ясно, что они так и остались спутниками Солнца, только много-много меньшими, чем Земля или Юпитер. Также трудно сказать, что произошло, если бы взрыв случился с другой стороны корабля и под обстрел попала лунная посадочная кабина, а главное, командный модуль, в котором размещались астронавты. Наверное, им повезло.

Никто из американцев не спал, поэтому все трое услышали, как их космический дом содрогнулся. Это была фиксация попадания осколков. Практически одновременно раздались два слившихся хлопка – взорвались большие кислородные баки. Тут же включилась система сигнализации. Ее пиканье подавило остальные шумы, а мигание ламп переключило внимание со слуха на зрение. Давление кислорода и тяги начало быстро падать.

Сквозь помехи, все еще наводящиеся теперь уже удаляю-

щимся «Салютом», центр связи в Австралии разобрал сообщение: «Хьюстон, у нас произошла авария!»

Глава 12

Инкогнито

Но космос – штука большая. В нем происходит сразу много чего. Тем более события растянуты во времени, да еще и перемешаны благодаря теории незабвенного Эйнштейна. Так что не было ничего удивительного, что в другой его части и, может даже, в несколько другие часы и дни кто-то продолжал вести неторопливые дискуссии. Тем имелось предостаточно.

– Трудно сказать – я, например, до сей поры не догадываюсь – какую идею пропагандирует предложенная лекция: о вреде или же о пользе алкоголизма, – пожимал плечами Юрий Гагарин. Плечи, между прочим, отягощались лямками специальных шароваров, предназначенных для имитации одной из составляющих жизнедеятельности на планете. Они создавали повышенное давление в нижних конечностях, стремясь восполнить украденное невесомостью свойство – прямохождение. Чудо-штаны наличествовали в одном экземпляре, так что космонавты одевали их по очереди, ибо обязались перед оставленными за бортом медиками носить их не менее чем по четыре часа в сутки. Сейчас пришла очередь Гагарина, так что слушающий его Волков мог наслаждаться плаванием по воздуху в одиночестве.

– Знаешь, Владислав Николаевич, я ведь в молодости ни-

когда не пил. Все не до того было – авиакружок, учеба, да и тяги, честно говоря, нисколючко. И вот, знаешь, как говорится, прошел я воду и огонь. То есть напярэг учебы и взлет на кончике баллистической ракеты. И вроде бы считал, что там те «медные трубы»? Однако... Понимаешь, когда по одну сторону чудовищно длинного стола – ты, а по другую – королева Англии или того хуже – Никита Сергеевич Хрущев, тут не сильно заикнешься о том, что ты человек непьющий. (Хотя, рассказывают, американские астронавты любят нажираться вволю, чуть ли не перед самым полетом. Один Джон Гленн у них уникам – ни капли в рот. Но к нашим космонавтам, как ты понимаешь, это капиталистическое падение нравов отношения не имеет.) Так вот, когда бокал доверху, да еще не один раз, ибо надобно выпить за себя самого по предложению хозяйки, потом, разумеется, уже с моей стороны, за мать-королеву, после – за мир во всем мире и еще за покорителей космоса, само собой. Потом счет постепенно теряется. Да и некогда считать, надо держать марку, улыбаться в софиты, да еще постараться не ляпнуть что-нибудь не то. Например, с этим чертовым приземлением меня запутали.

– В смысле – из космоса? – спрашивал парящий и часто кувыркающийся в центре корабля Волков.

– Ну, конечно. Ты же в курсе, что я, как и было спланировано, опускался на парашюте, отдельно от «Востока». А в Париже, при выступлении в ФАИ – Международной федерации аэронавтики, – пришлось врать, что внутри корабля.

Эти гаденыши иначе не фиксировали рекорд.

Но не о том я сейчас, Владик, — отмахивался Гагарин. — Я же о вреде и пользе пьянства. В общем, пока я объезжал столицы мира, выяснилось, что «медные трубы», для меня лично, испытание похлестче эквилибристики в центрифуге. Так ведь еще, кроме заграниц, существует наша внутренняя территории — шестая часть суши. Одних столиц республик — пятнадцать штук. Обьеда-ка все! А еще просто большие промышленные города. Поезда, самолеты стали моим домом. И вот пока перед трудящимся народом выступаешь — вроде бы ничего, но вот к концу митингов обычно уже накатывает. Как слюна у собаки Павлова. Выработалась, понимаешь, реакция. Потом ведь всегда банкет. На загнивающем Западе — фуршет. Это то же самое, но без стульев. Дабы гостям удобнее было по залу перемещаться, друг с другом здороваться, а дамам демонстрировать туалеты в полной красе. (На наших банкетах не получается — только декольте.) В общем, влип я по уши. И знаешь, как-то поначалу незаметно. Потом началось... Провалы в памяти: с утра долго, под рассолычик, пытаюсь вызвать в мозгу вчерашнюю пролонгацию. Ну, разумеется, рядом на подхвате всегда свой человек из соответствующего ведомства: где надо — поддержит, плечом подопрет, где требуется — скажет на английском, польском или каком требуется, что, мол, «первый летчик-космонавт СССР и Герой Советского Союза утомился: только вчера закончилась серия сложных полетов на новых сверхзвуковых

истребителях». И, наверное, верили.

Ну, понятно... (знаю, что для тебя, Владислав Николаевич, теоретически...) со временем потребовалась рюмка с утреча. Провезенные мимо таможи дипломатическим курьером рассолы – уже не слишком помогали, потеряли волшебную силу. Затем и без банкетов требовалось это новое, вошедшее в кровь топливо. Иначе руки дрожат, и, не дай бог, телевидение это зафиксирует. (Да, понимаю, что эфир не прямой. Что не надо – вырежут. Но все же...) В общем, это и называется алкоголизм. Хотя сам, конечно, не веришь. Смеешься, когда врач в мягкой форме на чем-то настаивает. Глупости какие! Да ведь я сам себе хозяин!!! Вот захочу – более ни-ни. Да хоть сейчас! В смысле с этого дня! Ну, с вечера. Или уж лучше с утреча. Вот именно, с утреча. Потом, в честь последнего дня, естественно, повышенная доза. Это уже без всякого фуршета и дам в декольте. Сам с собою – один на один.

Утром, конечно, головная боль. А через несколько часов куда-то ехать, в какой-нибудь Нижний Тагил или в Нижний Новгород – ныне Горький. В общем, надо срочно что-то делать. Ибо виски раскалываются, голову невидимый обруч сдавливает похлестче шлема. Короче, никуда не деться. Приставленный адъютант в курсе. Мигом туда-обратно. В смысле до магазина. Если, конечно, уже одиннадцать. Но можно и до этого, только с переплатой, с заднего крыльца. Долгосрочное здоровье моему товарищу майору до одного места. Мне

ведь не в космос: в самолет пассажиром, а потом на трибуну какого-нибудь тракторно-танкового завода. А вот если я скovyрнусь в его дежурство, этого ему не простят. Он ведь наверняка хочет когда-то до подполковников дорасти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.